

A woman with long, wavy brown hair and brown eyes is looking directly at the camera. She is wearing a grey top and has her hands clasped over her chest. In the background, a man with dark hair and a beard, wearing a light blue button-down shirt, is looking towards the camera. The background is blurred.

Вета Лиор

Ты для меня

18+

Вета Лиор

Ты для меня

«Автор»

2026

Лиор В.

Ты для меня / В. Лиор — «Автор», 2026

Что сильнее: боль прошлого или надежда на будущее? Кира знает ответ на этот вопрос — её прошлое научило её не доверять. Она выстроила надежную крепость вокруг своих чувств и не собирается впускать туда никого. Кажется, самое страшное осталось в прошлом. Кира научилась жить заново: без иллюзий, без доверия, прочными стенами оградив свое сердце. Её прошлое стало уроком, который не позволит ей снова совершить ошибку. Но что, если на пути появится тот, кто не ищет лёгких путей? Тот, кто не пытается сломать её стены, а терпеливо, шаг за шагом, подбирает к ним ключ. Он уверен в своей цели — в ней. Сомнения Киры — его главный противник. Сможет ли он доказать, что настоящее бывает крепче любых ран, а доверие — не слабость, а сила?

© Лиор В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	14
Глава 4	20
Глава 5	25
Глава 6	32
Глава 7	37
Глава 8	43
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Ты для меня

Пролог

Дождь стучал в окно, сливая огни города в размытое полотно. Но этот звук был лишь приглушенным аккомпанементом к тому, что происходило здесь, внутри. К грохоту, который обрушивал на нее Макс.

— Да потому что это твоя вина! — его голос, сиплый от крика, резанул воздух, как стекло. Он стоял посреди комнаты, сжав кулаки, а его лицо было искажено гримасой, которую Кира видела уже слишком много раз. — Ты вообще меня слышишь? Твоя вина! Я бы не искал других, если бы ты была нормальной! Если бы ты давала то, что я хочу! — он опустился в кресло недалеко от нее и сложил руки в замок, казалось он действительно был в этом убежден.

Слезы текли по щекам Киры горячими, солеными ручьями, но она уже почти их не чувствовала. Это была боль другого порядка — глубокая, выворачивающая душу наизнанку. Боль от предательства, которое он не просто не скрывал, а в котором теперь обвинял ее. Пятый раз за последние полгода. Пятый круг ада, из которого, казалось, нет выхода.

«Я не могу», — стучало в висках. «Я не могу, я не могу, я не могу».

Ее молчание, ее сгорбленные плечи, ее тихие рыдания — все это, видимо, лишь сильнее разжигало его. Он говорил о том, чего ей «не хватает», о ее «холодности», снова и снова перекладывая вину за свою подлость на нее. И в этот раз что-то щелкнуло. Не громко, а тихо, где-то внутри, как лопнувшая струна. Боль, которая раньше парализовала, вдруг ушла, сменилась ледящей, абсолютной пустотой. Пустотой, в которой стало слышно собственное сердце, больше не разбитое, а просто... остановившееся.

Кира медленно выпрямилась. Слезы еще текли, но она смахнула их тыльной стороной ладони, грубо, почти с яростью. Она подняла на него взгляд — взгляд, который он, вероятно, не видел никогда. В нем не было ни мольбы, ни страха, лишь усталое, бездонное отчаяние.

— Хватит, — ее голос прозвучал тише дождя за окном, но в нем была сталь, которую она сама в себе не узнавала. — Макс, я ухожу от тебя. Я так больше не могу.

Она произнесла это просто. Без истерик, без упреков. Констатация факта. Приговор.

И тут она увидела. Сначала его глаза. Они, казалось, впитали в себя всю тьму за окном, почернели, стали плоскими и бездонными, как смола. Злость в них была настолько чистой и концентрированной, что у Киры перехватило дыхание. Вся его истерика мгновенно улетучилась, сменившись ледящим душу спокойствием.

Он тихо, почти неторопливо поднялся с кресла. Его движения были обманчиво медленными, но в каждой мышце чувствовалась пружинящая готовность. Он сделал шаг в ее сторону. Комната внезапно стала очень маленькой.

— Нет, — он произнес это тихим, злобным шепотом, который был страшнее любого крика. — Так просто ты от меня не уйдешь.

И он двинулся на нее.

А в голове у Киры пронеслось только одно: «Поздно. Тебе уже не остановить меня. Даже если это будет последнее, что я сделаю».

Глава 1

Тихий стук дождя по оконному стеклу был единственным звуком в почти безмолвной приемной. Я стояла у панорамного окна, смотря на унылый, размытый водяными струями город. Серое небо, мокрый асфальт, спешащие под зонтами люди — картина идеально гармонировала с моим внутренним состоянием. Предвкушение смешивалось с животным страхом, образуя тяжелый ком в горле.

«Успокойся, — твердила я себе мысленно. — Ты профессионал. Ты знаешь свое дело». Но после пятилетнего перерыва эти слова казались пустым звуком. Пять лет. Целая вечность в мире маркетинга.

Секретарь — молодая, безупречно одетая девушка с холодноватой улыбкой — полчаса назад извинилась и сообщила о внезапном срочном собрании. «Вас примут, как только освободятся». Я кивнула, стараясь выглядеть спокойной, и заняла свой пост у окна. Ожидание затягивалось, давая простор для самых мрачных мыслей.

Сегодняшнее утро выдалось на удивление бодрым. Я встала без обычной тяжести, видимо, сказывалось то самое предвкушение нового этапа. Быстро привела себя в порядок, выбрала тщательно продуманный «боевой» наряд: классическую черную юбку-карандаш, лонгслив с небольшим декольте нежно-сиреневого цвета, оттеняющий бледность кожи, и шелковый шарфик, скромно дополняющий образ. Глядя на свое отражение в зеркале, я почти узнавала ту уверенную в себе девушку из «прошлой жизни». Ту, что бесстрашно защищала креативные кампании перед скептически настроенными клиентами. Мне нравилось то, что я видела. Это придавало сил.

Пять лет. Пять долгих лет с того дня, когда я, собрав волю в кулак, произнесла: «Макс, я ухожу». Рубеж, отделявший меня от кошмара. До сих пор ночами я просыпалась в холодном поту от воспоминаний о его глазах, почерневших от бешенства, о его тихом, злобном шепоте: «Так просто ты от меня не уйдешь». Он и не отпустил. Четыре сломанных ребра, сотрясение, множество ушибов и ссадин... Если бы не бабушка Нина, моя одинокая соседка, которая, почувствовав неладное, вызвала полицию и скорую, меня бы уже не было. Макса осудили, а я несколько месяцев провела в больнице, залечивая не только физические, но и душевные раны.

Потом был переезд к родителям в другой город. Мамины руки, ее тихий голос на кухне по вечерам: «Все пройдет, деточка, все наладится». Мне отчаянно хотелось верить, но мое тело жило своей жизнью, время шло, а я боялась и думала о том, что больше не смогу поверить и подпустить к себе кого-то еще раз. Я пряталась в себе, как улитка в раковине.

Возвращение к жизни началось спустя три года с маленькой кофейни у дома, где я устроилась баристой. Принудительная терапия общением. Сначала было невыносимо тяжело, но с каждым поданным латте и каждой улыбкой постоянного клиента скорлупа понемногу трескалась. Через два года я наконец почувствовала: я могу. Могу вернуться к тому, что любила. К маркетингу — живому, динамичному, творческому миру, где нет места монотонности бухгалтерских отчетов, которые я всегда находила невероятно скучными. К привычному общению и активной жизни которая у меня была.

— Кира Владимировна?

Голос секретаря вырвал меня из глубины воспоминаний. Я обернулась, смущенно улыбнулась.

— Простите, задумалась.

— Ничего страшного. Пожалуйста, следуйте за мной.

Мы прошли по длинному светлomu коридору к массивной двери из темного дерева. Девушка открыла ее, пропуская меня вперед.

Кабинет был просторным и светлым, но атмосфера в нем оказалась тяжелой. За большим столом сидели две женщины. Одна, постарше, в строгом костюме и с бегемотом на броши, смерила меня оценивающим взглядом. Вторая, помоложе, тут же перевела глаза на коллегу, и они переглянулись с таким нескрываемым пренебрежением, будто я была не кандидатом на должность, а принесла на ботинках уличную грязь на их идеально чистый пол.

Она неторопливо надела очки — тонкую золотистую оправу, которая почему-то придавала ее лицу еще более холодное и надменное выражение. Ирина Витальевна. Я мысленно повторила это имя, пытаюсь найти в нем хоть что-то, что могло бы расположить к себе. Бесполезно. Ее взгляд поверх очков был острым, как лезвие, и таким же безжалостным.

— Итак, Кира, — протянула она, делая вид, что внимательно изучает мое резюме, хотя я была уверена — она даже не открывала папку до моего прихода. — Владимировна, я не ошиблась?

— Да, все верно, — ответила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно и уверенно.

Она кивнула, словно ставя где-то у себя в голове галочку, и откинулась на спинку кресла. Ее коллега, та, что помоложе, сидела чуть поодаль и до сих пор не проронила ни слова. Она просто смотрела, сложив руки на груди, и на ее губах блуждало странное, почти насмешливое выражение.

— Расскажите о себе, — произнесла Ирина Витальевна тоном, не оставлявшим сомнений: это не приглашение к беседе, а начало допроса.

Я начала рассказывать. О своем образовании, о первом месте работы в рекламном агентстве, о проектах, которые вела, о результатах, которых удалось достичь. Я старалась говорить спокойно, структурированно, как учили на всех тренингах по самопрезентации. Сначала — факты, потом — достижения, затем — выводы. Я даже подготовила небольшую презентацию своих кейсов на ноутбуке, но Ирина Витальевна даже не взглянула на экран, когда я предложила показать.

— А что у нас с перерывом? — перебила она меня на полуслове, когда я рассказывала об успешной кампании для крупного застройщика. — Пять лет. Это серьезный срок. Чем вы занимались все это время?

Вопрос повис в воздухе, тяжелый и липкий, как патока. Я на секунду замешкалась, подбирая слова. Пять лет. Как объяснить человеку, который смотрит на меня с таким холодным любопытством, что эти пять лет я училась заново жить? Что я восстанавливала себя по крупицам в больничной палате, на маминой кухне, за стойкой кофейни?

— Я... занималась восстановлением, — осторожно сказала я. — Личные обстоятельства потребовали длительного перерыва. Но все это время я не теряла связь с профессией: изучала новые инструменты, проходила онлайн-курсы, следила за трендами. А последние два года работала баристой в кофейне, что помогло мне сохранить навыки коммуникации и работы с людьми.

— Баристой? — переспросила она с такой интонацией, будто я сказала, что убирала улицы. — То есть вы варили кофе?

— Я взаимодействовала с клиентами, работала в режиме многозадачности, управляла небольшим коллективом смены, — уточнила я, чувствуя, как внутри начинает закипать раздражение. — Это тоже опыт, который развивает стрессоустойчивость и навыки быстрого принятия решений.

— М-да, — протянула она, снимая очки и начиная протирать стекла специальной салфеткой. Этот жест показался мне нарочито медленным, почти демонстративным. — Но, знаете, Кира Владимировна, бариста и маркетолог в крупной строительной компании — это, знаете ли, разные планеты.

Она снова надела очки и теперь уже в упор посмотрела на меня. Ее коллега тихонько хмыкнула, и этот звук прозвучал в тишине кабинета как пощечина.

— Хорошо, — сказала я, делая глубокий вдох и стараясь не показывать, как сильно меня задели эти слова. — Давайте тогда вернемся к моему опыту в рекламном агентстве. У меня есть конкретные цифры и результаты. Я могу показать...

— Цифры? — перебила она снова. — В строительном маркетинге, дорогая моя, совсем другая специфика. Вы хоть представляете, с чем нам приходится работать? Это не кофе про-давать. Это бюджеты, тендеры, серьезные заказчики. Вы когда-нибудь вели проект с бюджетом от десяти миллионов?

— В агентстве я работала с федеральными сетями, и бюджеты наших кампаний были сопоставимы, — ответила я, чувствуя, как голос начинает звенеть от напряжения. — Кроме того, я изучила вашу компанию перед собеседованием. Я вижу потенциал для развития цифрового направления, которое сейчас практически не используется. У меня есть наброски стратегии...

— Оставьте стратегии тем, у кого есть релевантный опыт, — отрезала она. — Скажите лучше, почему вы решили, что справитесь с этой работой, если последние пять лет... ну, вы сами сказали, варили кофе?

Я замолчала. Не потому, что мне нечего было сказать. А потому, что я вдруг с удивительной ясностью поняла: ей не нужны мои ответы. Ей вообще не нужна я. Ей нужно было унижить, поставить на место, доказать себе и своей молчаливой напарнице, что она здесь главный эксперт, который имеет право выносить вердикты. Мои слова, мое резюме, мои навыки — все это было лишь фоном для ее маленького спектакля.

— Я справлюсь, — сказала я тихо, но твердо. — Потому что я профессионал. Потому что я быстро учусь. Потому что я хочу работать. И потому что перерыв в карьере — это не приговор, а часть жизненного пути, которая не отменяет моих компетенций.

В кабинете повисла пауза. Ирина Витальевна медленно кивнула, словно подтверждая какую-то свою мысль, и снова склонилась над моим резюме. На этот раз она действительно его читала — я видела, как ее глаза бегают по строчкам, выискивая что-то, к чему можно придраться.

— А здесь у вас что? — ткнула она пальцем в середину страницы. — Курсы повышения квалификации? Это было еще до вашего... перерыва. То есть актуальных знаний у вас нет. Современные инструменты, тренды, алгоритмы — все это прошло мимо вас, пока вы, простите, кофе варили.

— Я уже сказала, я проходила онлайн-курсы в течение последних двух лет, — возразила я, чувствуя, как внутри закипает злость. — Могу предоставить сертификаты.

— Сертификаты, — повторила она с таким видом, будто я предложила ей детские рисунки вместо диплома. — Знаете, в серьезной компании мы смотрим не на сертификаты, а на реальный опыт. А с вашим опытом, Кира... — она сделала театральную паузу, подбирая слова, — вам, наверное, стоит начать с чего-то попроще. Может быть, в маленьком агентстве. Или на позиции помощника. А мы ищем готового специалиста.

Ее коллега наконец подала голос — негромкий, но очень уверенный:

— Ирина Витальевна права. У нас высокая нагрузка, некогда будет вводить человека в курс дела с нуля. Нам нужен тот, кто включится в процесс сразу.

Я перевела взгляд с одной на другую. Они сидели, две женщины в дорогих костюмах, с идеальным маникюром и безупречной укладкой, и смотрели на меня, как на досадное недоразумение, которое нужно поскорее спровадить. Мой пятилетний перерыв был для них не обстоятельством жизни, а клеймом. Моя боль, моя борьба, мое возвращение — все это не имело для них ни малейшего значения.

Я вдруг почувствовала, что задыхаюсь в этом кабинете. Слишком душно, слишком тесно, слишком много чужих, враждебных глаз. Мне захотелось встать и уйти, не дожидаясь, пока они вынесут свой приговор. Но я заставила себя сидеть прямо, сложив руки на коленях, и ждать.

Ирина Витальевна еще несколько минут листала мое резюме, задавая все более бессмысленные и придирчивые вопросы. Что я думаю о текущей рекламной кампании компании? Я честно ответила, что, на мой взгляд, она недостаточно использует возможности цифровых каналов. Она скривилась. Знаю ли я специфику работы с тендерной документацией? Призналась, что с этим сталкивалась поверхностно, но готова изучить. Она многозначительно переглянулась с коллегой. Готова ли я работать сверхурочно? Да, конечно, если этого требует проект.

Но чем дольше длилась эта беседа, тем отчетливее я понимала: все эти вопросы — лишь формальность. Решение было принято еще до того, как я переступила порог. Может быть, у них уже был «свой» кандидат, которого нужно было провести по конкурсу. Может быть, мое резюме просто попало в неудачное время. А может быть, они с самого начала видели во мне не профессионала, а ту, кто посмел иметь в биографии пробел, и это было для них достаточной причиной для отказа.

Я вдруг устала. Устала доказывать, что я достойна. Устала оправдываться за годы, которые потратила не на карьеру, а на то, чтобы восстановиться. Устала сидеть перед этими двумя женщинами, которые смотрели на меня с таким превосходством, будто их жизнь была идеальной и они имели право судить мою.

Ирина Витальевна наконец отложила мое резюме в сторону, сняла очки и посмотрела на меня с выражением, которое я уже не могла спутать ни с чем. Это был приговор.

— Кира, — сказала она с деланным сожалением в голосе, — очень жаль, но я не буду вас обнадеживать. У вас недостаточно актуальных знаний для соискателя на эту должность. Я уверена, вам повезет в другом месте. С меньшими требованиями.

Она улыбнулась. Та самая натянутая, дежурная улыбка, которая должна была изображать участие, но на самом деле была лишь маской равнодушия. Ее коллега тоже улыбнулась — более открыто, даже с облегчением. Разговор был окончен. Я могла быть свободна.

В этот момент я почувствовала не боль, не разочарование, не желание расплакаться. Я почувствовала злость. Глухую, горячую, которая поднялась откуда-то из самого нутра и заставила меня выпрямиться еще больше, вскинуть подбородок и встретить ее взгляд в упор.

У меня даже дыхание перехватило от такой наглой лжи. Мое резюме было сильным, даже, несмотря на перерыв! Злость, горячая и стремительная, подкатила к горлу. Я, молча встала, взяла со стола свое резюме.

— Если вам изначально не нужен был сотрудник, незачем было отнимать мое время, — сказала я тихо, но четко, развернулась и вышла из кабинета, не глядя на них.

Я почти бежала по коридору, сжимая папку так, что костяшки пальцев побелели. В глазах стояли предательские слезы обиды и злости. «Как? Как они могли?» — крутилось в голове. Я уткнулась взглядом в свое резюме, пытаюсь понять, что же в нем не так, и не заметила высокую мужскую фигуру, появившуюся из-за поворота.

Столкновение было несильным, но неожиданным. Папка выскользнула из рук, и белые листы веером разлетелись по глянцевому полу.

— Эх! — не сдержалась я. — Как можно не разойтись в таком широком коридоре?!

Мужчина, симпатичный и статный, в отлично сидящем костюме, фыркнул и, не говоря ни слова, опустил на корточки, начав собирать мои бумаги. Только тут до меня дошла вся комичность и неловкость ситуации. Ругая себя за несдержанность, я тоже присела рядом.

— Простите, я не хотела, — пробормотала я, помогая ему.

— Неудачное собеседование? — спросил он спокойно, его взгляд скользнул по мне. Карие, очень внимательные глаза.

«Как он догадался?» — мелькнула у меня идиотская мысль, и я мысленно шлепнула себя по лбу. Конечно, он читал, что собирает.

— Не понимаю, что у вас тут за отбор такой, — вырвалось у меня с горькой усмешкой.

Он посмотрел на меня с непонятливым выражением, затем кивнул на собранную стопку бумаг у него в руках.

— Можно?

Я лишь кивнула. Он быстро, буквально за пару минут, пробежался глазами по тексту, и лицо его стало серьезным. Потом он поднял голову и громко, словно обращаясь к пустому коридору, произнес:

— Действительно. И что же у нас тут за отбор такой? Пойдемте, пожалуйста.

И он уверенно зашагал обратно к тому самому кабинету. Я, ошеломленная, поплелась следом, не понимая, что происходит, но чувствуя слабый проблеск надежды.

Он распахнул дверь без стука. Ирина Витальевна и ее напарница замерли.

— Ирина Витальевна, — его голос прозвучал спокойно, но со сталью, от которого у меня по спине пробежали мурашки. — Скажите мне, пожалуйста, что именно не устроило Вас в этой кандидатке? Не то ли, что вы опять пытаетесь придержать место для так называемых «своих»? Мы уже два месяца без маркетолога, и я так понимаю, исключительно по вашей вине. И если бы я сейчас не столкнулся с... — он на секунду заглянул в резюме, — с Кирой Владимировной, то мы бы и дальше сидели без квалифицированного работника.

В кабинете повисла гробовая тишина.

— Значит так, — продолжил он. — Она принята. Завтра, если можете, выходите на работу. — Затем он повернулся к Ирине Витальевне, которая, казалось, пыталась вжаться в кресло. — А насчет вас я подумаю. Возможно, у нас в отделе кадров вскоре появится вакансия.

— Да, Александр Николаевич, я... я все поняла, — тихо и сдавленно прошептала она.

Он, не удостоив ее больше взглядом, вышел в коридор и закрыл за собой дверь. Затем обернулся ко мне. На его лице появилась легкая, смущенная улыбка.

— Простите за этот спектакль. Иногда приходится напоминать, кто здесь за что отвечает, чтобы не было подобных ситуаций.

— Ничего, я все понимаю, — выдохнула я. — И... спасибо Вам.

— Не за что. Ждем вас завтра в нашу команду. Поздравляю, у вас прекрасное резюме. — Он кивнул и ушел, оставив меня стоять посреди коридора в легком ступоре.

Я медленно вышла из здания. Дождь почти прекратился. Я сделала глубокий вдох, вбирая в себя влажный, свежий воздух. Сердце бешено колотилось, но теперь не от страха, а от восторга.

«Я принята. У меня есть работа».

Первый шаг в новую жизнь был сделан.

Глава 2

Я выбежала из здания, и будто тяжелый камень с плеч скатился куда-то в канализационную решетку. Воздух, еще влажный после дождя, пах мокрым асфальтом и надеждой. Я шла, почти не чувствуя под собой ног, вся окрыленная. Вот оно, начинается! Новая жизнь, интересная работа, новые знакомые. После долгой спячки мир наконец-то возвращался на круги своя. Оказывается, я только сейчас начинаю дышать полной грудью. Я — это я. Настоящая. И у меня все получилось.

По пути домой я забежала в магазин и, не раздумывая, купила себе изящный кусочек «Пражского» — тот самый, с шоколадным бисквитом и нежным кремом. Почему бы и нет? Нужно же отметить такое достижение! С первого же собеседования попасть в крупную строительную компанию на должность маркетолога — это больше, чем я могла надеяться. Теперь у меня будет не просто работа, а карьера. Теперь я смогу обеспечить себе хорошую, независимую жизнь.

Мысли о жилье меня больше не тяготили. Год назад раздался тот самый звонок, который перевернул все с ног на голову. Нотариус сообщил, что бабушка Нина оставила завещание на мое имя. У нее никого не было, а нашу дружбу, все те два года, что я жила по соседству, она, видимо, ценила так же сильно, как и я. Мы созванивались все время, пока я была у родителей, но она ни словом не обмолвилась о своем решении. И я, конечно, ничего не ждала. Мне и сейчас ее не хватает до слез. Она стала мне родной, еще одной бабушкой, чья мудрая, спокойная любовь стала одним из тех якорей, что не дали мне окончательно разбиться.

Квартиру я решила переделать постепенно. Что-то я, конечно, поменяю, но многие вещи — ее антикварный хрусталь, вышитая картина с аистами на стене в прихожей — останутся на своих местах. Как напоминание. Как часть ее. Иногда, возвращаясь вечером, мне кажется, что я просто пришла к ней в гости, и сейчас из кухни донесется ее голос: «Проходи, Кирочка, чай готов!»

Я переехала сюда всего неделю назад. Ключи от квартиры бабушки Нины я получила еще полгода назад, но все не решалась сделать этот шаг. Квартира пустовала, ждала меня, а я медлила, словно чувствовала, что возвращение в этот дом, в этот подъезд, на эту лестничную клетку будет чем-то большим, чем просто смена адреса. И вот, наконец, я решилась. Семь дней, как я здесь. Семь дней я привыкала к новым-старым стенам, к скрипу половиц на кухне, к виду из окна на старый тополь, который помнил еще те времена.

Сегодня, как и каждый вечер с тех пор, как я вернулась, подход к двери был особенным моментом. Я поднималась по лестнице, считая ступеньки — пятнадцать от первого этажа до моего, — и каждый раз мой взгляд, помимо воли, тянулся вперед. Впереди, в конце короткого коридора, было две двери. Моя — с едва заметной царапиной на левом нижнем углу, которую оставили еще прежние жильцы, и дверь напротив. Дверь в ту квартиру.

Сегодня, как и всегда, я подошла к своей двери и невольно скосила глаза на соседнюю. Та самая дверь. Обычная, ничем не примечательная, деревянная, окрашенная в стандартный бежевый цвет, с потертой ручкой и давно не менявшимся глазком. Для любого другого человека это была просто дверь, за которой жили когда-то какие-то люди. Для меня же она была порталом в другую реальность. Реальность, где я была другой. Где я была сломленной, напуганной, загнанной в угол.

Я замерла, глядя на эту дверь, и в голове, словно старый пленочный фильм, начали прокручиваться обрывки воспоминаний. Я видела себя, выходящую из-за этой двери на цыпочках, чтобы не скрипнули половицы и не разбудить его. Видела, как я стою перед этой дверью, прижимая к груди тяжелые пакеты с продуктами, и делаю глубокий вдох, прежде чем войти, потому что никогда не знала, в каком настроении он вернется.

Мое сердце сделало лишний, сбивчивый удар. Старый, знакомый холодок пробежал по позвоночнику, собирая кожу в мурашки. Это было то самое чувство, которое годами жило во мне, свернувшись где-то глубоко под ребрами, как темный, спящий зверь. Временами он просыпался, напоминая о себе липким страхом, и тогда мир снова сужался до размеров той комнаты, до черноты его глаз, до хруста собственных костей.

Я вцепилась пальцами в край сумки, чувствуя, как ладонь становится влажной. «Ну же, — сказала я себе мысленно. — Ты справишься. Ты уже справилась». Я закрыла глаза и сделала медленный, глубокий вдох, наполняя легкие до отказа. Воздух пах пылью, старой краской и едва уловимым ароматом бабушкиных пирогов — наверное, от моей двери еще сохранилось это тепло.

Я выдохнула. И на этом выдохе случилось то, чего я не ожидала. Ледяные пальцы, сжимавшие мое сердце, вдруг разжались. Напряжение, сковавшее плечи, отпустило. Я открыла глаза и снова посмотрела на ту дверь. Но теперь я смотрела на нее по-другому.

Это была просто дверь. Старая, обшарпанная, с выцветшей краской. За ней уже давно жили другие люди — я слышала по вечерам детский смех и звон посуды. Моя история закончилась там, за этой дверью, пять лет назад. Она закончилась в тот момент, когда бабушка Нина вызвала полицию и скорую. Она закончилась в больничной палате, где я долго восстанавливалась. Она закончилась на маминой кухне, в городе, где не было воспоминаний о нем.

А теперь я здесь. В квартире, которую завещала мне женщина, спасающая мне жизнь. С работой, которую я так хотела. С чувством собственного достоинства, которое я собирала по кусочкам, как драгоценную вазу.

Я глубоко вздохнула еще раз, на этот раз чувствуя, как прохладный воздух очищает меня изнутри. Меня это больше не волновало. Не так остро. Не так болезненно. Страх не исчез совсем — наверное, он останется со мной навсегда, какой-то своей крошечной частью. Но он перестал быть моим хозяином. Он превратился в воспоминание, в шрам, который напоминает о том, что я выжила, а не о том, что меня могут снова сломать.

Я пережила эту историю. Я выстояла. Сломанные ребра срослись, синяки сошли, швы зажили. Зажило и то, что было внутри. И теперь я двигаюсь дальше. Не оглядываясь. Не замирая в страхе перед каждой дверью. А просто идя вперед, в свою новую жизнь.

Я достала ключи, нашла нужный, и, не глядя больше на соседнюю дверь, уверенно вставила его в замочную скважину. Щелчок замка прозвучал громко и окончательно. Я перешагнула порог, и дверь за мной закрылась с мягким, уютным стуком. Внутри было тепло, пахло бабушкиными цветами и свежесваренным кофе, который я приготовила с утра. Это был мой дом. И здесь, в этом доме, начиналась моя новая жизнь.

Единственное, что я понимала со стопроцентной ясностью — я не хочу никаких отношений. Да, мне уже тридцать, и мама в наших разговорах по телефону все чаще намекает, что «пора бы уже о семье подумать». Но я не могу. Не хочу. Не готова подпустить к себе кого-то настолько близко. Доверие, когда-то разбитое вдребезги, собиралось в мозаику слишком долго и болезненно, чтобы рисковать снова.

Я открыла дверь и вошла. Тишина. Моя тишина. Мои стены. Теперь я ни от кого не зависела. У меня есть работа, которая обещает быть интересной, и трехкомнатная квартира недалеко от центра. Чего еще можно желать?

Положив ключи в стеклянное блюдечко в прихожей — бабушкино, я разулась и босиком прошла на кухню. Оставила торт на столе, поставила греться чайник и пошла переодеваться в удобные мягкие штаны и футболку. Возвращение в уютную, домашнюю версию себя было таким же приятным ритуалом, как и утреннее облачение в «боевой» костюм.

Вернувшись, я заварила ароматный чай с бергамотом, отрезала внушительный кусок торта и открыла ноутбук. Пока я пила чай и наслаждалась сладостью, я погрузилась в изучение компании «СтройИнвестПроект». Нужно было понять ее структуру, основные проекты, тон-

кости позиционирования на рынке. Александр Николаевич, мой неожиданный спаситель и по совместительству генеральный директор компании, не зря упомянул, что работы будет много. Я хотела прийти завтра не с пустой головой, а хотя бы с базовым пониманием задач.

Я так увлеклась, читая о возведении нового бизнес-центра и анализируя сайты конкурентов, что не заметила, как за окном окончательно стемнело, и город зажег свои ночные огни. Взглянув на часы в углу экрана, я ахнула: было уже десять вечера.

Сделав последние пометки в блокноте, я помыла чашку и тарелку, навела на кухне идеальный порядок — завтрашний день не должен был начинаться с хаоса — и пошла в душ. Стоя под теплыми струями воды, я чувствовала, как смывается не только дневная пыль, но и остатки нервного напряжения. Купалась я недолго — нужно было выспаться.

Поставив будильник на шесть утра, я погасила свет и легла в постель. До работы мне было идти всего пятнадцать минут пешком, так что я вполне могла позволить себе неспешные сборы и даже легкий завтрак. Я повернулась на бок, глядя на свет фонарей, пробивающийся сквозь щель в шторах, и закрыла глаза. Впереди был новый день. Мой день. И я засыпала в предвкушении, с легкой улыбкой на губах.

Первый звук, который я услышала, был не пронзительный визг будильника, а мягкий, настойчивый перезвон, постепенно выводящий меня из глубины сна. Я протянула руку, выключила его и несколько секунд лежала с закрытыми глазами, прислушиваясь к тишине квартиры. Не было ни сдавленного страха, ни тягучего ощущения безысходности, которое так часто будило меня раньше. Вместо этого было тихое, спокойное волнение, словно внутри меня мягко позванивал колокольчик, возвещая о начале чего-то важного.

Я потянулась, чувствуя, как мышцы приходят в тонус, и без колебаний встала с кровати. Первые лучи утреннего солнца робко пробивались сквозь шторы, рисуя на полу золотистые полосы. Погода, к моей радости, решила благоволить мне — небо было чистым, почти летним, без намека на вчерашнюю хмарь.

Пока кипел чайник, я приняла быстрый, бодрящий душ. Вода смыла последние остатки сна, и я снова почувствовала ту самую уверенность, что посетила меня вчера у зеркала. Надевая подобранный с вечера комплект — темно-синие брюки, лаконичную блузку и пиджак — я ловила свое отражение и думала: «Я могу. У меня все получится».

За завтраком я не торопилась. Чашка ароматного кофе, тост с авокадо. Я позволила себе эту маленькую роскошь — насладиться моментом, а не заглатывать еду на бегу. Еще раз проверила содержимое сумки: ноутбук, блокнот, ручка, документы. Все на месте.

Взглянув на часы, я с удовлетворением отметила, что у меня в запасе целых сорок минут. Ровно столько, чтобы не спеша, наслаждаясь утром, дойти до офиса пешком. Я не хотела приходить раньше всех, но и мчаться сломя голову, запыхавшейся и взволнованной, — тоже.

Накинув легкое пальто, я вышла из квартиры, щелкнула замком и глубоко вдохнула. Воздух был еще прохладным, свежим, пахнувшим влажной землей и чем-то цветущим. Я не стала спускаться в метро, а повернула в сторону парка, решив пройти путь по аллеям.

Шаг мой был легким и упругим. Я шла, подняв голову, глядя на просыпающийся город, на людей, спешащих по своим делам. И впервые за долгое время я не чувствовала себя среди них чужой, выбитой из колеи. Я была частью этого ритма, этого дня. Я шла на свою первую полноценную работу за пять лет, и от этой мысли по коже бежали приятные мурашки.

Я дышала полной грудью, ловя солнце и ветерок, и улыбка не сходила с моего лица. Этот запас времени был моим маленьким подарком себе — моментом тихого счастья и абсолютной уверенности в том, что все идет так, как должно было идти.

Глава 3

Я подошла к офисному зданию за десять минут до назначенного времени. Высокое, стеклянное, оно отражало утреннее солнце, заставляя его сверкать тысячью бликов. Я остановилась на мгновение, запрокинула голову и посмотрела вверх. Там, за этими зеркальными стенами, начиналась моя новая жизнь. Я сделала глубокий вдох, поправила воротник пальто и уверенно вошла внутрь.

Просторный холл встретил меня прохладой кондиционеров и легким гулом голосов. Люди в деловых костюмах сновали туда-сюда, кто-то пил кофе из бумажных стаканчиков, кто-то говорил по телефону, прикрывая трубку ладонью. Я направилась к лифтам, стараясь выглядеть так, будто работаю здесь уже много лет.

На кнопку нажала, и дверцы с мелодичным звоном открылись почти сразу. Я шагнула внутрь, но прежде чем успела нажать кнопку нужного этажа, в лифт вошел кто-то еще. От неожиданности я подняла глаза и замерла. Передо мной стоял Александр Николаевич, мой вчерашний спаситель. Он был в безупречно сидящем темно-сером костюме, с легкой утренней небритостью, которая почему-то придавала ему еще более импозантный вид.

— Кира, — сказал он, и на его губах появилась легкая, едва заметная улыбка. — Отлично. Вы вовремя.

— Здравствуйте, — ответила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Александр Николаевич, да. Я хотела прийти пораньше, чтобы освоиться.

Он вошел в лифт, и двери за ним закрылись. Я на мгновение замешкалась, не зная, какую кнопку нажать, но он, заметив мою нерешительность, протянул руку и нажал на кнопку одиннадцатого этажа — как раз того, где вчера проходило собеседование.

— Как вы себя чувствуете? — спросил он, поворачиваясь ко мне. В его голосе не было вчерашней стальной нотки, скорее искреннее, почти дружеское участие. — Не волнуетесь?

— Немного, — призналась я, чувствуя, что могу быть честной. — Первый день на новой работе — это всегда волнительно. Но в хорошем смысле.

— Понимаю, — кивнул он. — Вчера вы произвели на меня впечатление. Ваше резюме действительно хорошее. Я был удивлен, что вас не взяли. Поэтому, когда увидел вас в коридоре, понял: это не случайность.

— Спасибо вам огромное, — сказала я, чувствуя, как к щекам приливает легкий румянец. — Вы даже не представляете, что для меня значит этот шанс. После такого долгого перерыва...

— Не переживайте, — перебил он мягко. — Перерывы бывают у всех. Важно не то, сколько вы не работали, а то, что вы готовы работать сейчас и что вы умеете. И у вас, я уверен, есть чему поучиться.

Лифт мягко остановился, и двери открылись. Мы вышли в холл одиннадцатого этажа, светлый, просторный, с высокими потолками и большими панорамными окнами. Вдоль стен стояли живые растения в кашпо, а в центре — удобные кожаные диваны для посетителей.

— Я провожу вас до отдела кадров, — сказал Александр Николаевич, жестом приглашая следовать за ним. — Пока вы будете оформляться, я пришлю к вам свою помощницу. Она покажет вам офис, познакомит с коллегами. А в десять у нас утреннее собрание. Думаю, вам будет полезно на него попасть — так вы быстрее вникнете в дела и познакомитесь с командой.

— Это было бы замечательно, — искренне ответила я. — Я хочу как можно быстрее включиться в работу.

— Это правильный настрой, — одобрительно кивнул он и остановился перед дверью с табличкой «Отдел кадров». — Вот здесь. Заходите, оформляйтесь. Я скажу Насте, чтобы она зашла за вами через полчаса.

— Спасибо, Александр Николаевич, — сказала я, и в голосе моем прозвучала искренняя благодарность.

— Не за что, — улыбнулся он. — Желаю удачи. Увидимся на собрании.

Он развернулся и быстрым, уверенным шагом направился по коридору, а я, глубоко вздохнув, толкнула дверь отдела кадров.

Внутри было прохладно и стерильно чисто. За длинным столом сидели две женщины, которых я сразу узнала — те самые, что вели со мной вчерашнее собеседование. Ирина Витальевна и ее молчаливая коллега. Увидев меня, они обменялись быстрыми, почти неуловимыми взглядами, и на их лицах застыли натянутые, дежурные улыбки.

— Кира Владимировна, — протянула Ирина Витальевна, и ее голос звучал на удивление приветливо, хотя в глазах я все еще видела ту же холодную настороженность. — Проходите, присаживайтесь.

Я села напротив, положив сумку на колени. Мне не хотелось начинать этот разговор с конфликта, но и притворяться, что вчерашнего не было, я тоже не собиралась.

— Кира, — начала она, теребя в руках шариковую ручку, — я хотела бы... извиниться за вчерашнее недоразумение. Ситуация действительно вышла немного неловкой. Вы должны понимать, у нас очень высокие требования к кандидатам. Мы не могли поступить иначе. Ваш перерыв... он нас насторожил.

— Я понимаю, — ответила я спокойно, хотя внутри все кипело от возмущения. — Это было ваше право.

— Но мы рады, что все разрешилось, — вставила вторая женщина, натягивая улыбку еще шире. — Александр Николаевич высоко оценил ваше резюме. Видимо, мы действительно что-то упустили.

— Бывает, — коротко сказала я, стараясь не показывать эмоций. Спорить с ними сейчас — только портить себе настроение. Мы практически не будем пересекаться по работе, и я не собиралась тратить свою энергию на выяснение отношений с людьми, которые мне не симпатичны. — Давайте просто оформим документы.

Ирина Витальевна кивнула, и в кабинете воцарилась деловая атмосфера. Она защелкала клавишами, распечатывая договоры, приказы, приложения к ним, другие бумаги, и протягивала их мне через стол.

— Здесь подпишите вот здесь и здесь, — говорила она механическим голосом, тыкая пальцем в строчки. — Это стандартный договор, это согласие на обработку персональных данных, это должностная инструкция. Ознакомьтесь, если есть вопросы — задавайте, но лучше прочитайте дома, чтобы не задерживать процесс.

Я молча подписывала бумаги, стараясь не смотреть на ее руки, на идеальный маникюр, который так раздражал меня еще вчера. На душе было спокойно. Я была здесь. Я получила эту работу. И никакие их кривые улыбки не могли испортить мне настроение.

Когда я ставила последнюю подпись, в дверь тихо постучали. Ирина Витальевна подняла голову и произнесла:

— Войдите.

Дверь открылась, и на пороге появилась девушка. Молодая, лет двадцати пяти, стройная, с белокурыми волосами, собранными в аккуратный низкий хвост, и с самой очаровательной, располагающей улыбкой, которую я когда-либо видела. Глаза у нее были ярко-голубыми и лучились доброжелательностью.

— Кира? — спросила она, переводя взгляд с меня на Ирину Витальевну и обратно. — Я Настя, помощница Александра Николаевича. Меня попросили проводить вас, показать офис, познакомить со всем. Вы уже закончили?

— Да, — сказала я, поднимаясь с места. — Только что поставила последнюю подпись.

— Отлично! — Настя улыбнулась еще шире. — Тогда пойдемте. Я покажу вам самое главное, а потом у нас будет собрание. Оно в десять, так что у нас еще есть время.

Я повернулась к женщинам из отдела кадров и сухо кивнула:

— Спасибо, что оформили. Всего доброго.

Они в ответ выдавили из себя одинаковые улыбки, но я уже не смотрела на них. Вместе с Настей мы вышли в коридор, и я почувствовала, как с плеч сваливается тяжелый груз.

— Пойдемте, я покажу вам все! — Настя говорила быстро и легко, и ее голос звучал как музыка. — Мы начнем с вашего кабинета, а потом я покажу переговорную, кухню, зал для собраний. У нас все очень удобно, я уверена, вам понравится!

Она вела меня по коридорам, рассказывая о том, кто где сидит, как устроен рабочий процесс, где можно выпить кофе и где находится самая уютная зона отдыха. Я слушала ее вполуха, потому что все мое внимание было приковано к тому, что я видела вокруг. Офис оказался именно таким, каким я его себе представляла: светлым, просторным, современным. Стекланные перегородки кабинетов, минималистичная мебель, живые цветы на подоконниках. По коридорам сновали люди — молодые, энергичные, одетые в деловом стиле, но при этом с каким-то неуловимым чувством свободы и комфорта.

— А вот зал для собраний, — сказала Настя, останавливаясь перед широкой стеклянной дверью. — Самое важное место в нашем офисе.

Она открыла дверь, и я вошла внутрь. Зал оказался огромным. В центре стоял массивный овальный стол из темного дерева, вокруг которого было расставлено не меньше тридцати стульев. На противоположной стороне от двери на стене висел большой экран, к которому был подключен проектор. Шторы были раздвинуты, и через панорамные окна лился мягкий утренний свет.

— Здесь проходят планерки, презентации, совещания с партнерами, — объясняла Настя. — По пятницам у нас общие собрания, когда собирается весь отдел. Очень оживленно, скажу я вам!

Я медленно прошлась по залу, разглядывая каждую деталь. Мне нравилось буквально все: и то, как играет свет на полированной поверхности стола, и как удобно расставлены стулья, и как продумана каждая мелочь. Я чувствовала, как внутри нарастает нетерпение. Мне хотелось приступить к работе, быть полезной, вложить свои силы, свои идеи. Я видела, сколько труда и души вложено в это место, и мне хотелось стать частью этого, внести свой вклад.

— Здесь очень красиво, — сказала я, поворачиваясь к Насте. — По-настоящему вдохновляющее место.

— Ой, я знаю! — воскликнула она. — У нас многие говорят, что именно здесь рождаются лучшие идеи. Так что, может быть, и ваша первая гениальная мысль появится именно в этом зале!

Я рассмеялась. Настя была настолько искренней и открытой, что я невольно проникалась к ней доверием. Мы вышли из зала, и она показала мне еще несколько кабинетов, кухню с кофемашиной и холодильником, а затем мы направились обратно.

— Ну вот, мы почти все посмотрели, — сказала Настя, останавливаясь в том же коридоре, где начали нашу экскурсию. — А теперь, самое главное: мое рабочее место.

Настя привела меня к двери с небольшой табличкой «Кира Владимировна, маркетолог». Я на мгновение задержалась, глядя на свое имя. Оно было напечатано аккуратными черными буквами. Я прочитала его про себя, и от этого по коже побежали мурашки. Моя работа. Мой кабинет. Мое имя.

Она указала на небольшой холл прямо по коридору, где стояла стойка.

— Я сижу там. Если вдруг вам что-то понадобится — документы, связь с Александром Николаевичем или просто кофе, — я всегда на месте. Заходите, не стесняйтесь. Я всегда рада помочь.

— Спасибо, Настя, — искренне сказала я. — Вы очень добры.

— Ой, что вы! — замахала она руками. — Мы все тут свои. А кабинет Александра Николаевича находится прямо рядом с приемной. Так что если он вам понадобится, я всегда скажу, где его найти.

— Отлично, — кивнула я, чувствуя, как легкое волнение снова поднимается в груди.

— А теперь проходите устраивайтесь. До собрания осталось 30 минут?

— Большое спасибо, — сказала я.

Я толкнула дверь и вошла внутрь.

Кабинет оказался небольшим, но уютным. У входа стояла вешалка и небольшой шкаф для документов и личных вещей. Прямо по центру располагался письменный стол из светлого дерева, на котором уже стоял компьютер, монитор, клавиатура, стационарный телефон и небольшая лампа. Рядом — удобное кожаное кресло. За спиной у меня было окно — огромное, от пола до потолка, выходящее на город.

Я медленно подошла к окну, и слова застряли у меня в горле. Это было не просто окно, не просто вид на город. Это было что-то большее, что-то, что заставляло душу трепетать, а сердце — биться чаще и глубже. Я замерла, боясь сделать лишнее движение, чтобы не спугнуть эту красоту.

Вид, открывавшийся с одиннадцатого этажа, был поистине завораживающим. Весь город лежал передо мной, как на ладони, и я, стоя здесь, наверху, чувствовала себя почти парящей над ним, отстраненной от суеты, но при этом невероятно близкой к чему-то большему.

Солнце только начинало подниматься выше, заливая все вокруг мягким, золотистым светом. Его лучи пробивались сквозь легкую утреннюю дымку, делая очертания домов немного размытыми, словно акварельный рисунок. Небо было чистым, ярко-голубым, с едва заметными, почти прозрачными облаками, которые медленно плыли куда-то вдаль.

Прямо под окном, немного левее, я видела ту самую аллею, по которой шла сегодня утром. Сейчас, с высоты птичьего полета, она казалась совсем иной — не просто дорожкой между домами, а настоящим золотым ковром. Деревья, высаженные вдоль аллеи, уже начали желтеть, готовясь к осени. Их кроны переливались всеми оттенками осеннего золота: здесь были и нежный лимонный, и глубокий янтарный, и яркий, почти огненный, оранжевый. Листья, еще не опавшие, но уже тронутые первыми холодами, трепетали на легком ветерке, создавая эффект живого, дышащего полотна. Солнечные лучи, пробиваясь сквозь них, превращали каждый лист в маленький фонарик, излучающий тепло и свет.

Я смотрела на эту аллею и вспоминала, как шла по ней всего полчаса назад. Я была маленькой фигуркой, затерянной среди таких же спешащих людей. Я переживала, волновалась, сжимала в руках сумку и мысленно повторяла, что у меня все получится. А теперь я стояла здесь, наверху, и смотрела на тот же самый путь, но уже сверху. И мне казалось, что я смотрю на свою старую жизнь, на ту Киру, которая еще не знала, что ее ждет впереди. И в этом была какая-то удивительная, почти магическая связь времен.

Я перевела взгляд дальше, за аллею. Там, за деревьями, начинались жилые кварталы. Дома были разными: старые, еще советской постройки, с облупившейся краской и балконами, заставленными коробками и старыми вещами, и новые, современные, стеклянные и бетонные, устремленные вверх, словно пытающиеся дотянуться до самого неба. Они перемежались друг с другом, создавая причудливый узор, в котором угадывалась история города — его прошлое, настоящее и будущее, сплетенные воедино.

Кое-где между домами виднелись зеленые островки — маленькие скверы и парки, которые, как драгоценные камни, вкраплениями лежали в городской суете. Я видела, как по дорож-

кам этих скверов гуляют люди: кто-то выгуливает собаку, кто-то спешит на работу, кто-то просто сидит на скамейке с книгой в руках. Они казались такими маленькими отсюда, почти игрушечными, и это создавало странное ощущение, будто я смотрю на ожившую миниатюру.

Дальше, за жилыми кварталами, начинались деловые районы. Современные высотки, облицованные стеклом и металлом, сверкали на солнце, отражая небо и облака. Их фасады были такими гладкими и зеркальными, что казалось, они растворяются в воздухе. На некоторых из них уже зажглись огни — кто-то в этих башнях работал, не дожидаясь официального начала дня, и этот свет, зажженный на фоне утреннего неба, выглядел почти уютным, человеческим.

Но самым завораживающим было то, что открывалось на горизонте. Там, где городские кварталы постепенно сменялись более редкой застройкой, на фоне бледнеющего голубого неба угадывались очертания старого центра. Шпили древних соборов, острые и устремленные ввысь, пронзали небо, словно пытаясь дотянуться до ангелов. Колокольни, купола, изящные башенки — все это было таким далеким и таким родным одновременно. Я не могла разглядеть деталей, но я знала, что там, в этом старом центре, кипит своя жизнь: туристы бродят по мощеным улочкам, художники рисуют на набережной, а в маленьких кафе пахнет свежим круассаном и кофе.

Я стояла у окна, и слезы наворачивались на глаза — не от грусти, нет. От внезапного, острого ощущения полноты жизни. От того, что я здесь. От того, что я смотрю на этот мир сверху и знаю, что я часть его. Что у меня есть работа, есть дом, есть будущее. Что я справилась, я выстояла, я пришла к этому дню.

Вид из этого окна был не просто красивым пейзажем. Это было обещание. Обещание новых начинаний, новых встреч, новых возможностей. Здесь, в этом кабинете, за этим столом, я буду создавать что-то новое. Я буду думать, творить, находить решения. Я буду смотреть на этот город и придумывать, как сделать его лучше, как помочь компании расти, как вписать свое имя в историю этого места.

Люди внизу сновали по своим делам, такие маленькие и суетливые, а я стояла здесь, наверху, и чувствовала себя почти всевидящей. Какое-то невероятное умиротворение разлилось у меня внутри. Глядя на этот вид, я думала о том, как хорошо будет здесь работать. Как приятно сидеть за столом, смотреть на город и придумывать что-то новое, яркое, значимое. Вид, который открывался передо мной, идеально подходил для творческих размышлений. Можно бесконечно смотреть на этот поток жизни и черпать в нем вдохновение.

Я смотрела на аллею, на высотки, на шпили старого центра, и чувствовала, как внутри разливается тепло. Тепло уверенности, спокойствия и надежды. Я не знала, что ждет меня впереди — какие трудности, какие победы, какие неожиданности. Но я знала одно: я готова. Готова принять эту жизнь, этот шанс, этот новый день.

Я стояла у окна, и легкий ветерок, проникающий сквозь неплотно закрытую форточку, шевелил мои волосы и приносил запах осени, влажного асфальта и далекого дыма. Город жил своей жизнью внизу, а я жила своей здесь, наверху. И в этом было что-то невероятно правильное, почти гармоничное.

Я, Кира, стояла у окна своего нового кабинета, смотрела на мир и улыбалась. Улыбалась самой себе, своей новой жизни, этому дню, этому виду. Потому что он был моим. Все это было моим.

И я была готова идти вперед.

Я стояла у окна, задумавшись, и уже почти не слышала, как Настя что-то говорит за спиной. Я полностью растворилась в этом моменте, в этом виде, в этом чувстве свободы и уверенности, которое охватило меня. Я даже не заметила, как она ушла.

Я вздрогнула, когда услышала стук в дверь. На мгновение я замерла, выныривая из своих мыслей, и медленно обернулась. В дверях стоял Александр Николаевич. Его лицо было рас-

слабленным, и он смотрел на меня с легкой, почти одобрительной улыбкой. Он видел, как я стояла у окна, и, кажется, знал, о чем я думаю.

— Нравится? — спросил он тихо.

Я быстро закивала, чувствуя, как на губах расцветает искренняя улыбка.

— Да. Очень. Спасибо вам большое.

— Не за что, — сказал он, скрестив руки на груди и опираясь плечом о дверной косяк. — Я знал, что вид из этого окна вам понравится. Смотрели на аллею?

— Да, — призналась я. — Я сегодня шла по ней. И не могла даже представить, что буду смотреть на нее сверху. Это... невероятно.

— Здесь хорошо думается, — сказал он, и в его голосе послышалась едва заметная теплота. — Когда я только начинал развивать эту компанию, я тоже часто останавливался у этого окна. Помогало собираться с мыслями. Думаю, Вам тоже пригодится.

Он сделал шаг вперед и посмотрел на часы.

— Ну что ж. Нам пора. Собрание через пять минут. Пойдемте, я представлю вас команде.

Я взяла с собой блокнот и ручку, поправила пиджак и пошла к выходу. Мы вышли из кабинета и двинулись по коридору. Я чувствовала на себе внимательный взгляд Александра, но он не тяготил меня, а скорее давал ощущение уверенности. Рядом с ним я чувствовала себя... в безопасности. Это было странное ощущение, ведь я знала его всего второй день, но он уже успел стать для меня кем-то вроде негласного наставника.

Мы подошли к дверям большого зала для собраний. За стеклянной стеной было видно, что внутри уже собралось много людей. Кто-то сидел за столом, кто-то стоял у стены с кофе, кто-то общался с коллегами. Шум голосов доносился даже сквозь закрытую дверь.

Александр Николаевич взял за ручку и, обернувшись ко мне, произнес:

— Готовы? Сейчас я вас всем представлю. Не волнуйтесь, они все хорошие люди. Поверьте, они будут рады видеть нового человека в команде.

Я глубоко вздохнула, чувствуя, как сердце забилось быстрее. Но это было не напряжение, а предвкушение.

— Да, — ответила я твердо. — Я готова.

Он открыл дверь, и мы вошли внутрь. Все взгляды устремились на нас. На мгновение в зале воцарилась тишина, которая тут же сменилась приветственными улыбками и шепотками. Я выпрямилась, вскинула подбородок и шагнула вперед, готовая начать свое новое путешествие в мир, где меня ждали перемены, новые знакомства и, возможно, что-то гораздо большее, чем просто работа.

Глава 4

Александр Николаевич вошел в зал первым, и я заметила, как сразу же изменилась атмосфера. Люди, которые до этого непринужденно общались, выпрямились, повернулись к нему, и в их взглядах появилось уважение. Он уверенно прошел к своему месту во главе стола, остановился и обвел взглядом собравшихся.

— Доброе утро, коллеги, — сказал он ровным, спокойным голосом, который, тем не менее, разнесся по всему залу. — Начнем наше собрание. Но сначала я хочу представить вам нового члена нашей команды.

Он повернулся ко мне и жестом пригласил подойти ближе. Я сделала шаг вперед, чувствуя на себе взгляды нескольких десятков пар глаз. Сердце билось быстрее обычного, но я старалась держаться уверенно.

— Это Кира Владимировна, — представил меня Александр Николаевич. — Наш новый маркетолог. У нее за плечами серьезный опыт в рекламном агентстве, и я уверен, что она принесет много свежих идей в нашу работу. Прошу любить и жаловать.

Раздались приветственные хлопки. Я слегка поклонилась, улыбнулась и коротко сказала:

— Спасибо. Я очень рада быть здесь. Надеюсь на плодотворное сотрудничество.

Александр Николаевич кивнул и начал представлять мне присутствующих:

— Это Андрей Викторович, директор коммерческого отдела, — он указал на мужчину лет пятидесяти, с короткой седоватой стрижкой и внимательным взглядом. Тот приветственно кивнул.

— Сергей Петрович, начальник производственного отдела, — представил он следующего, мужчину постарше, с грубоватыми чертами лица и большими рабочими руками. Он коротко улыбнулся и также кивнул.

— Мой заместитель, Ольга Сергеевна, — рядом с Александром Николаевичем сидела женщина лет сорока, строгая, в деловом костюме, с короткой стрижкой и очками в тонкой оправе. Она посмотрела на меня с легкой улыбкой, и я почему-то сразу почувствовала, что она будет справедливым, но требовательным руководителем.

— И, конечно, наша прекрасная юрист, Екатерина, — он указал на молодую девушку, сидящую почти в конце стола. Она была примерно моего возраста, с мягкими рыжеватыми волосами, собранными в небрежный пучок, и добрыми зелеными глазами. Она помахала мне рукой, и я с облегчением поняла, что в этом коллективе есть люди, с которыми я смогу подружиться.

Александр Николаевич назвал еще несколько фамилий и должностей, но я уже не могла запомнить их все — имена смешались в голове, но лица я старалась запечатлеть, чтобы не попасть в неловкую ситуацию завтра.

— Кира, присаживайтесь, — сказал он, указывая на место через три стула от себя. — Думаю, вам будет удобно отсюда.

Я прошла к указанному месту, села, положила перед собой блокнот и ручку, и сосредоточилась. Собрание началось.

— Итак, коллеги, — начал Александр Николаевич, — мы переходим к главному вопросу сегодняшнего совещания. Как вы знаете, мы вышли на финальную стадию разработки проекта жилого комплекса «Зеленые холмы». Слово предоставляется проектному отделу.

Двое парней, сидящих ближе к проектору, поднялись и подошли к экрану. Один из них, высокий брюнет в очках, начал презентацию, а его коллега, более коренастый и с виду серьезный, управлял слайдами. Кажется, их звали Кирилл и Матвей.

Я заслушалась. Они рассказывали о концепции комплекса: о том, какие дома будут построены, как будет организована инфраструктура, какие материалы планируется использо-

вать. На слайдах мелькали современные 3D-модели: уютные дворы без машин, детские площадки, зеленые зоны, подземный паркинг. Я видела, сколько сил и труда вложено в этот проект. Каждая цифра, каждая деталь были продуманы до мелочей.

Но когда речь зашла о бюджете и привлечении дополнительного капитала для начала строительства, я наострила уши. Парни из проектного отдела говорили о том, что необходимы инвестиции, и что они уже подготовили несколько вариантов для привлечения партнеров. Их предложения были хорошими, но я сразу же увидела несколько моментов, которые можно было бы улучшить. Как маркетолог, я понимала, что успех проекта зависит не только от качества строительства, но и от того, как его представят потенциальным инвесторам и будущим покупателям.

Я быстро набросала в своем блокноте несколько идей. Здесь можно было бы сделать акцент на экологичности района, здесь — на уникальности архитектурных решений, а здесь, возможно, стоит провести небольшую рекламную кампанию среди молодых семей, для которых этот комплекс мог бы стать идеальным местом для жизни.

Когда выступление проектного отдела закончилось, Александр Николаевич обвел взглядом зал:

— Есть вопросы? Предложения?

Я подняла руку. Все взгляды снова устремились на меня, но теперь я чувствовала себя гораздо увереннее.

— У меня есть несколько идей, — сказала я, стараясь говорить спокойно и четко. — Я вижу, что проект очень сильный, но, возможно, его можно представить инвесторам под немного другим углом. Я бы хотела сегодня проработать несколько маркетинговых концепций и завтра уже выступить с конкретными предложениями. Если вы не против, конечно.

В зале повисла тишина. Я видела, как некоторые переглянулись, но большинство смотрели с интересом. Александр Николаевич не сказал ни слова. Он просто посмотрел на меня и едва заметно кивнул. Но в этом кивке было столько одобрения и уважения, что мне стало тепло на душе. Он поверил в меня. И это дало мне силы.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Кира, мы ждем ваших предложений завтра. Коллеги, если больше нет вопросов, собрание окончено. Всем спасибо, все свободны.

Люди начали подниматься, обсуждая услышанное, собирая бумаги и блокноты. Я тоже поднялась, чувствуя легкое волнение. Завтра мне нужно было выступить перед всей командой. И я хотела, чтобы мое выступление было безупречным.

Я вышла из зала и направилась в свой кабинет. По пути я снова встретила Настю, которая с улыбкой помахала мне рукой.

— Ну что, как прошло? — спросила она.

— Отлично, — ответила я. — Очень интересно. Теперь нужно поработать.

— Удачи! — крикнула она мне вслед. — Если что, я здесь.

Я вошла в свой кабинет, закрыла дверь и выдохнула. Наконец-то я осталась одна. Я села за стол, включила компьютер. На рабочем столе уже были установлены все необходимые программы, на полке лежали папки с документами, а в ящике стола я нашла запас ручек, блокнотов и даже маленькую коробку с канцелярскими принадлежностями. Настя постаралась на славу.

Я потратила около часа на то, чтобы изучить все программы, понять, как организована работа в компании, и убедиться, что у меня есть доступ ко всем необходимым базам данных. Затем я открыла архив с проектами моего предшественника. Я просматривала их один за другим, делая пометки в блокноте. Некоторые решения были удачными, но я видела и слабые места: где-то не хватало креативности, где-то недоработана визуальная концепция, где-то стратегия привлечения клиентов была слишком шаблонной. Я писала и писала, чувствуя, как азарт захватывает меня с головой.

Затем я взялась за проект «Зеленые холмы». У меня родилось два варианта маркетинговой стратегии. Первый был более консервативным, классическим, с упором на традиционные каналы продвижения. Второй — более смелым, с использованием современных digital-инструментов, таргетированной рекламы и коллаборации с блогерами. Я работала над ними, не замечая времени. Цифры, графики, тексты, презентации — все смешалось в едином потоке творчества.

Я увлеченно работала, когда в дверь постучали. Я подняла голову и увидела Настю.

— Кира, — улынулась она, — уже обед. Не хочешь пойти с нами в кафе? Мы обычно ходим на первый этаж, там вкусный суп и салаты.

Я удивленно посмотрела на часы в углу экрана. Оказывается, уже двенадцать. Мне казалось, что я только начала работать, а прошло уже столько времени. Я потянулась, чувствуя, как затекли плечи.

— Да, с удовольствием, — сказала я. — Я и не заметила, как время пролетело.

Мы спустились на первый этаж в уютное кафе с панорамными окнами. Нас уже ждали несколько девушек: двое из коммерческого отдела, одна из проектного и одна из бухгалтерии. Они были такими же молодыми и приветливыми, как Настя. Мы сели за большой стол, заказали суп, салат и кофе, и начали разговаривать.

— Ну как тебе первый день? — спросила одна из девушек, с короткой стрижкой и большими серьгами. Катя.

— Пока замечательно, — призналась я. — Мне все очень нравится.

— А ты не бойся, — добавила другая, рыженькая, с веснушками - Вероника. — Мы все здесь свои. Вопросы любые задавай, мы поможем.

Я чувствовала, как постепенно исчезает то напряжение, которое держало меня в тонусе с самого утра. Девушки оказались простыми, искренними, с хорошим чувством юмора. Они рассказывали забавные истории из жизни офиса, шутили над начальством, делились секретами, где можно вкусно пообедать. Я смеялась вместе с ними и думала о том, как же хорошо, что я попала именно сюда. Что меня окружают такие добрые, открытые люди.

Обед пролетел незаметно. Мы вернулись в офис, и я с новыми силами села за доработку своих идей. Теперь у меня было четкое понимание того, что я хочу предложить. Я структурировала свои мысли, привела в порядок расчеты, подготовила краткую презентацию. Время летело незаметно, я с головой ушла в работу, и только когда за окном начало темнеть, я подняла голову и снова посмотрела на часы.

Было уже восемь вечера. Я проработала почти десять часов. Но я была довольна. Все, что я хотела сделать, было готово. Презентация была сверстана, расчеты проверены, идеи сформулированы. Я чувствовала приятную усталость и удовлетворение. Завтра я буду готова выступить перед всей командой.

Я выключила компьютер, собрала свои вещи, накинула пальто и вышла из кабинета. В коридорах уже почти никого не было — офис опустел. Я подошла к дверям своего кабинета, уже собираясь повернуть к лифту, и в этот момент из-за угла вышел кто-то. Мы столкнулись буквально нос к носу.

— Ой! — вырвалось у меня, и я отступила на шаг. — Извините!

Я подняла глаза и увидела Александра Николаевича. Он смотрел на меня с легким удивлением.

— Кира? Вы все еще здесь? — спросил он, бросив взгляд на часы. — Я думал, все уже ушли.

— Я заработалась и не заметила, сколько времени прошло, — призналась я, чувствуя легкую неловкость. — Завтра же нужно выступать, я хотела все закончить.

Он одобрительно кивнул.

— Похвально. А я задержался из-за бумаг. Ну что, пойдете, я провожу вас до выхода.

Мы вместе пошли к лифту. В наступившей тишине я чувствовала себя немного странно. Мы молча спустились вниз, прошли через холл к выходу. На улице уже стемнело, горели фонари, и в холодном осеннем воздухе чувствовалась свежесть.

— Кира, — сказал Александр, когда мы вышли из здания, — как вы добираетесь до дома? Я могу подвезти вас. Уже поздно, темно, не хотелось бы, чтобы вы ждали транспорт.

Я замялась. Мне не хотелось создавать неудобства.

— Спасибо большое, но я могу доехать на метро, — сказала я. — Это недолго.

— Да бросьте, — настаивал он мягко, но настойчиво. — Мне не составит труда подкинуть вас. Я сам через полгорода добираюсь, так что это по пути. Давайте, не отказывайтесь.

Он был так настойчив, что я не решилась спорить. Его голос звучал одновременно и требовательно, и по-дружески. Я кивнула:

— Хорошо. Спасибо.

Мы подошли к черному мерседесу, стоящему на парковке, и Александр галантно открыл передо мной дверь. Я села в мягкое кожаное кресло, чувствуя запах дорогого салона. Он сел за руль, завел двигатель, и машина бесшумно выехала с парковки.

— Какой у вас адрес? — спросил он.

Я назвала. Он вбил его в навигатор, и на экране загорелся маршрут. Двадцать минут. Мне показалось, что это много времени для неловкого молчания.

— Спасибо, что предложили, подвезти, — сказала я, чтобы заполнить тишину. — Все-таки неудобно отрывать вас от личных дел.

— Глупости, — ответил он, не поворачивая головы. — Мне действительно по пути. К тому же, я редко развожу сотрудников, но для вас сделал сегодня исключение.

— Почему? — спросила я, и сразу пожалела о своем вопросе. Он прозвучал слишком откровенно.

— Потому что вы стоите того, — просто сказал он. — Я вижу, как вы стараетесь. И мне интересно, что у вас получится завтра.

Мы замолчали. Я смотрела в окно на мелькающие огни вечернего города и чувствовала себя одновременно и уютно, и напряженно. Было в нем что-то такое, что заставляло меня быть настороже, хотя он не делал ничего дурного. Наоборот, он был внимательным, вежливым, заботливым. Но я слишком хорошо знала, как иногда люди умеют скрывать свою истинную сущность за маской обаяния.

Мы почти доехали, когда он нарушил молчание:

— Кира, можно спросить вас кое о чем?

Я внутренне напряглась. Сердце забилось быстрее. Я понимала, что сейчас он задаст тот самый вопрос, которого я боялась.

— Я вас слушаю.

— Почему вы взяли перерыв в работе? — спросил он тихо, без нажима. — Мне сказали, что вы были очень успешны в рекламном агентстве. И вдруг такая долгая пауза. Что случилось?

Я почувствовала, как к горлу подступает ком. В ушах зазвенело. Я сжала край своей сумки так, что побелели костяшки. Мне хотелось сказать правду. Хотелось рассказать ему о Максе, о сломанных ребрах, о кошмарах, о бабушке Нине. Но я не могла. Я не была готова открывать эту рану перед человеком, которого знала всего два дня.

Я медленно выдохнула, стараясь успокоить дыхание.

— Это были личные обстоятельства, — сказала я тихо, но твердо. — Очень тяжелые. Я была вынуждена уйти с работы, покинуть даже место жительства. Но это личное, Александр Николаевич. И я бы не хотела сейчас это обсуждать.

Наступила тишина. Я боялась, что он начнет настаивать, задавать уточняющие вопросы. Но он промолчал. И я почувствовала к нему благодарность за то, что он не стал давить.

Мы подъехали к моему дому. Машина мягко остановилась у подъезда. Я открыла дверь и вышла на улицу, вдыхая холодный, влажный воздух с облегчением.

— Спасибо большое, — сказала я, наклоняясь к открытому окну. — За все.

— Не за что, — ответил он, глядя на меня с легкой улыбкой. — Удачи завтра. Я уверен, у вас все получится.

Я кивнула, повернулась и пошла к подъезду. Мои шаги эхом разносились в тишине. Я вошла в подъезд, поднялась на свой этаж, открыла дверь бабушкиной квартиры и вошла внутрь. Только здесь, за закрытой дверью, я позволила себе выдохнуть и расслабиться.

А в это время Александр Николаевич не тронулся с места. Он сидел в машине, глядя на окна ее квартиры, где зажегся свет. Затем он достал телефон и набрал номер. После двух гудков на том конце ответили.

— Александр Николаевич, — раздался мужской голос.

— Игорь, привет. Пробей, пожалуйста, нашу новенькую по полной. Мне нужен полный отчет до завтра.

— Хорошо. Будет сделано, — ответил голос.

Александр сбросил вызов, убрал телефон в карман и, бросив последний взгляд на светящееся окно, нажал на газ. Машина бесшумно тронулась с места и растворилась в темноте вечернего города.

Глава 5

Я проснулась за десять минут до будильника. Это было необычно — обычно я просыпалась от звонка и несколько минут боролась с желанием перевернуться на другой бок. Но сегодня я сама открыла глаза, чувствуя, как внутри разливается теплое, радостное предчувствие. Я лежала в кровати, смотрела в потолок и улыбалась. В груди было легко и свободно. Я снова чувствовала себя живой. Я снова была той Кирой, которая любила свою работу, которая просыпалась с мыслью о том, что сегодня будет интересный день.

Я быстро встала, подошла к окну и раздвинула шторы. За окном было ясное, солнечное утро. Сентябрь в этом году выдался на удивление теплым — почти летним, с прозрачным голубым небом и золотистыми лучами солнца, которые уже вовсю проникали в комнату. Даже не верилось, что еще пару дней назад лил дождь и было серо и уныло. Как будто сама природа решила поддержать меня в моем новом начинании.

Я быстро приняла душ, высушила волосы, нанесла легкий макияж. Выбрала наряд: на этот раз брючный костюм нежно-бежевого цвета с белой блузкой. Он придавал мне уверенности и в то же время выглядел мягко, женственно. Я посмотрелась в зеркало и осталась довольна. «Сегодня важный день, — сказала я своему отражению. — Ты готова».

Завтракать я почти не стала — волнение снова скрутило желудок. Я выпила чашку зеленого чая, съела йогурт и, собрав сумку, быстро вышла из дома. По дороге на работу я снова прошла по той самой аллее, которую видела из своего окна. Деревья уже начали менять цвет, и их кроны переливались золотом и багрянцем под лучами утреннего солнца. Я шла и думала о том, как же прекрасна жизнь, когда на душе спокойно. Как легко дышать, как легко идти, когда знаешь, что тебя ждет впереди что-то хорошее.

Я пришла в офис за час до начала собрания. Охранник на входе уже узнал меня и приветливо кивнул. Я поднялась на свой этаж, зашла в кабинет, включила компьютер и открыла свою презентацию. Еще раз пробежалась по слайдам, проверяя цифры, факты, логику изложения. Все было идеально. Я знала этот материал наизусть. Я была готова.

Чтобы занять себя в оставшееся время и немного снять напряжение, я решила сходить на кухню и приготовить себе кофе. Взяла кружку, вышла из кабинета и направилась по коридору. На кухне я столкнулась с Настей. Она стояла у кофемашины с двумя чашками в руках и улыбалась.

— Ой, Кира! Доброе утро! — воскликнула она. — Как спалось?

— Отлично, — ответила я, чувствуя, как улыбка расплывается по лицу. — Сегодня прямо какой-то особенный день. Погода шикарная, настроение замечательное.

— Это хорошо, — кивнула Настя, но в ее голосе послышалась какая-то легкая настороженность. — А я вот что хотела сказать... Шеф сегодня какой-то странный.

Я нахмурилась.

— Странный? В каком смысле?

Настя понизила голос, хотя мы были на кухне одни:

— Ну, он пришел как обычно, поздоровался, спросил про бумаги. А потом, буквально через пятнадцать минут, его настроение резко ухудшилось. Он сидел в кабинете, что-то читал на телефоне, и у него прямо лицо потемнело. Я даже зайти к нему побоялась.

Я почувствовала, как внутри начинает расти легкое беспокойство. «Это из-за меня? — подумала я. — Может быть, он жалеет, что взял меня на работу? Или что-то узнал?» Вспомнила вчерашний разговор в машине, его вопрос о перерыве. Может быть, он что-то накопал? Хотя о чем я думаю, как будто ему есть до меня дело. Я простой рядовой сотрудник и только.

— Не переживай, — сказала Настя, заметив мою тревогу. — Может, просто плохие новости. У всех бывает. Ты главное на свою презентацию настройся, у тебя все будет отлично. Я в тебя верю!

— Спасибо, — ответила я с легкой улыбкой. — Надеюсь, ты права.

Я взяла свой кофе и вернулась в кабинет. Но настроение немного испортилось. Я села за стол, отпила глоток кофе и уставилась в окно. Снова тот самый вид — аллея, высотки, осеннее небо. Я смотрела на золотые кроны деревьев, на спящих внизу людей, и постепенно напряжение начало отпускать. Я заставила себя успокоиться. «Что бы ни случилось, — сказала я себе, — я сделала все, что могла. Моя презентация хорошая. Мои идеи сильные. Я справлюсь».

Я продумала еще пару возможных возражений, которые могли бы возникнуть у коллег, и набросала краткие ответы на них. Чувствуя, что теперь я готова к чему угодно, я глубоко выдохнула, допила остывший кофе и направилась в зал для собраний.

В зале уже почти все были на месте. Кто-то стоял у стен и оживленно обсуждал что-то с коллегами, кто-то сидел в телефоне, проверяя сообщения, кто-то листал бумаги. Я поздоровалась с теми, с кем успела познакомиться вчера, и прошла на свое место. Достала ноутбук, открыла презентацию и еще раз пробежалась глазами по первым слайдам. Сердце билось быстрее, но я старалась сохранять спокойствие.

Прошло пять минут. Десять. Александра все не было. В зале начало подниматься легкое беспокойство — коллеги переглядывались, кто-то начал поглядывать на часы. Я тоже начала нервничать. «Где же он?» — думала я. — «Неужели он решил не приходить? Или, может быть, у него действительно что-то случилось?»

И вдруг дверь резко распахнулась. В зал стремительной, жесткой походкой вошел Александр Николаевич. Его лицо было мрачным, челюсти сжаты, глаза холодные и колючие. Он даже не взглянул на присутствующих — прошел прямо к своему месту, бросил на стол папку с такой силой, что та с глухим стуком приземлилась на деревянную поверхность.

— Доброе утро, — сказал он коротко и резко, и в этом приветствии не было ни капли тепла.

Все мгновенно притихли. Люди, которые до этого стояли и общались, быстро сели на свои места. Те, кто сидел в телефонах, убрали их в карманы. В зале воцарилась напряженная тишина, которая бывает только перед грозой.

Александр Николаевич обвел взглядом присутствующих, и мне показалось, что на мгновение его взгляд задержался на мне. В нем было что-то тяжелое, изучающее, почти подозрительное. Я почувствовала, как сердце пропустило удар. «Это из-за меня, — подумала я. — Он узнал что-то о моем прошлом. Или, может быть, он жалеет, что подвез меня вчера. Или...» Мысли металась в голове, как перепуганные птицы.

— Итак, коллеги, — начал он ледяным тоном, — сначала планы на сегодня.

Он начал перечислять задачи для каждого отдела, и голос его звучал жестко и требовательно. Он не улыбался, не делал пауз для вопросов. Он просто ставил задачи и ждал выполнения. Все сидели, опустив глаза, и я видела, как даже самые опытные сотрудники робко записывали его указания.

Я сжала ручку так, что побелели костяшки. В горле пересохло. Мне казалось, что все вокруг видит, как я нервничаю. Я не знала, чего ожидать. Он уволит меня прямо сейчас? Или просто уничтожит мою презентацию на глазах у всех?

Но когда он закончил с планами и перевел взгляд на меня, его голос стал чуть мягче. Всего на полтона, но я заметила это.

— А теперь, — сказал он, — слово предоставляется Кире Владимировне. Она подготовила маркетинговую стратегию по проекту «Зеленые холмы». Прошу.

Я поднялась. Ноги слегка дрожали, но я заставила себя выйти из-за стола и встать перед экраном. Я сделала глубокий вдох, выдохнула и начала говорить.

— Доброе утро, коллеги. Как вы знаете, проект «Зеленые холмы» имеет огромный потенциал. И я предлагаю рассмотреть два варианта маркетинговой стратегии, которые позволят нам привлечь дополнительных инвесторов и покупателей.

Я начала говорить, и с каждым словом уверенность возвращалась ко мне. Я знала этот материал. Я жила им последние сутки. Я видела цифры, я просчитала риски, я понимала, о чем говорю. Слайды сменяли друг друга, я рассказывала о digital-инструментах, о таргетированной рекламе, о коллаборациях с блогерами, о создании уникального бренда комплекса. Я приводила примеры успешных кейсов, сравнивала бюджеты, показывала прогнозируемые результаты.

Я не смотрела на Александра. Я смотрела на остальных коллег, пытаюсь понять, слушают ли они меня. Их лица были разными — кто-то кивал, кто-то делал пометки в блокнотах, кто-то смотрел с интересом. Но все они слушали. И это придавало мне сил.

Презентация заняла около тридцати минут. Когда я закончила и произнесла «спасибо за внимание», в зале повисла тишина. Я обвела взглядом присутствующих и добавила:

— Если есть вопросы, я готова ответить.

На несколько секунд никто не заговорил. Я видела, как коллеги переглядываются. И тут поднялась рука. Экономист, женщина лет сорока пяти, которую, кажется, звали Ксения Андреевна. Она сняла очки, посмотрела на меня поверх стекол и произнесла:

— Кира Владимировна, у меня вопрос по бюджету затрат. Вы предлагаете увеличить расходы на продвижение на тридцать процентов по сравнению с первоначальным планом. Это довольно значительная сумма. Если ваша стратегия не сработает, кто понесет убытки? У Вас есть гарантии, что инвестиции окупятся?

Вопрос был жестким, почти агрессивным. Я видела, как некоторые коллеги переглянулись, ожидая моей реакции. Но я была готова. Я улыбнулась, кивнула и начала отвечать:

— Хороший вопрос, Ксения Андреевна. Я понимаю вашу озабоченность, ведь бюджеты — это всегда ответственность. Но давайте посмотрим на цифры. Я провела анализ рынка и сравнила наш проект с тремя аналогичными комплексами, которые были построены за последние два года в этом же районе. Средние затраты на маркетинг у них составляли X процентов, при этом окупаемость продаж достигла Y процентов уже на первом этапе. Да, мы увеличиваем бюджет, но мы также увеличиваем охват. Мои расчеты показывают, что при правильно построенной рекламной кампании мы можем выйти на точку безубыточности на три месяца раньше, чем при консервативном подходе. Кроме того, я предлагаю использовать гибкий план: если на первых двух этапах мы не увидим ожидаемого результата, мы сможем скорректировать стратегию, не теряя всех вложений. У меня есть детальные расчеты, я могу предоставить их вам после собрания.

Я говорила уверенно, спокойно, и видела, как лицо Ксении Андреевны постепенно меняется. Она уже не смотрела на меня с вызовом — скорее с уважением, даже с легкой заинтересованностью.

— Хорошо, — сказала она. — Это убедительно. Я ознакомлюсь с расчетами.

Я перевела дыхание и посмотрела на Александра. Он молчал все это время. Он сидел во главе стола, откинувшись на спинку кресла, и его взгляд был устремлен на меня. В его глазах не было той ледяной колючести, что была в начале собрания. Он смотрел на меня так, будто видел впервые. Долго, пристально, изучающе. И в этом взгляде было что-то, отчего у меня по коже побежали мурашки — но не от страха, а от странного, трепетного волнения.

Он медленно поднялся из-за стола. Все замерли. Он посмотрел на меня и произнес:

— Это отличные варианты. Я хочу, чтобы все ваши предложения были запущены в работу. Кира, по всем вопросам, связанным с реализацией стратегии, вы можете обращаться напрямую ко мне. Я лично буду контролировать этот проект.

В зале повисла удивленная тишина. Все переглянулись — сначала на него, потом на меня. Кто-то даже приподнял бровь. Мне показалось, что я ослышалась. «Напрямую к нему?» — прозвучало у меня в голове. Это было необычно. Обычно такие проекты курирует заместитель, а не генеральный директор. Но я не стала спорить, только кивнула:

— Спасибо. Я сделаю все необходимое.

Остальная часть собрания прошла быстрее. Обсудили еще пару текущих вопросов, и Александр Николаевич, все еще с тем же напряженным выражением лица, объявил собрание закрытым. Все начали подниматься, и я почувствовала на себе несколько заинтересованных взглядов. Но я сделала вид, что не заметила, собрала свои бумаги и вышла из зала.

Вернувшись в кабинет, я выдохнула с облегчением. Ноги дрожали, но в груди было тепло и радостно. Я справилась. Моя презентация прошла успешно. И несмотря на мрачное настроение Александра, он оценил мои идеи. Я села за стол и начала составлять подробный план действий: что нужно сделать в первую очередь, какие каналы запустить, с кем связаться, какие договоры подготовить.

Я работала с таким воодушевлением, что время пролетело незаметно. Прервалась только один раз — на обед с девочками. Мы снова собрались в кафе на первом этаже, и Настя смотрела на меня с хитрым прищуром.

— Ну что я тебе говорила? — сказала она, пододвигая ко мне чашку с латте. — Он смотрел на тебя как на произведение искусства. Я же видела!

Я покраснела и отмахнулась:

— Настя, прекрати! Это глупости. С чего ты взяла?

— Ой, да брось! — засмеялась она. — Я все видела! Он на тебя так смотрел, будто никого больше в этом зале не было. И то, что он сказал про «обращаться напрямую ко мне»... Ну ты сама понимаешь. Так он говорит только тем, кто ему действительно интересен. Не только как сотрудник, но и как женщина.

— Это не может быть правдой, — твердо сказала я, чувствуя, как щеки начинают гореть. — Он просто оценил мою работу. Я пришла сюда работать, и только. Никаких других мыслей у меня нет.

— Ладно-ладно, — Настя подняла руки, показывая, что сдается. — Я просто шучу. Но если честно, я уже давно за ним наблюдаю. И с женщинами он всегда сдержан, даже холоден. А с тобой — совсем по-другому. Ты сама подумай.

Я не стала спорить. В душе ворочалось странное, смутное чувство. Я вспомнила его взгляд на собрании — тот самый, долгий и пристальный, будто он видел меня насквозь. Мне стало немного не по себе. Или, может быть, я просто не хотела признаваться себе в том, что он мне тоже кажется интересным. Я запретила себе думать об этом. Никаких отношений. Я пришла сюда работать, а не искать приключений.

После обеда я снова засела за работу. День пролетел незаметно. Я составила детальный план, расписала по неделям этапы реализации стратегии, подготовила список необходимых согласований. Когда рабочий день закончился, я уже была готова к тому, чтобы начать действовать завтра.

Вечером я решила не идти на метро, а пройти пешком. Погода все еще радовала. Я вышла из офиса и пошла по той самой аллее, которую наблюдаю из своего окна. Солнце уже клонилось к закату, и лучи его окрашивали деревья в золотисто-багряные тона. Я шла, вдыхая свежий осенний воздух, и чувствовала, как внутри разливается умиротворение и легкая усталость. День был сложным, но хорошим.

По дороге я забежала в магазин у дома. Впереди были выходные, и мне нужно было закупиться продуктами, чтобы лишний раз не выходить из дома. Я купила фрукты, овощи, сыр, немного вина и хлеба. Когда я выходила из магазина с тяжелыми пакетами, я почувствовала,

что улыбаюсь сама себе. «Кира, — думала я, — ты справилась. Ты сделала это. Ты вернулась в жизнь».

Я вернулась домой, уставшая, но довольная. Разложила продукты на кухне, приняла теплый душ, надела уютную пижаму и села на диван с чашкой чая. Вокруг было тихо, спокойно. Я смотрела на огни вечернего города за окном и думала о том, что впереди еще много работы. Но сегодня я была счастлива. Сегодня я была собой.

Я допила чай, убрала чашку в мойку и, чувствуя приятную усталость во всем теле, отправилась в спальню. Завтра будут выходные. Я могла позволить себе выспаться и отдохнуть. Я легла в кровать, закрыла глаза и с легкой улыбкой на губах провалилась в сон.

Александр сидел в своем кабинете, уставившись в монитор, но не видел ни единой цифры. Перед ним на столе лежал толстый конверт с отчетом, который Игорь прислал ему сегодня утром. Он уже трижды перечитал его, но каждое слово врезалось в память так глубоко, будто было выжжено каленым железом.

«Кира Владимировна, тридцать лет. Пять лет назад находилась в отношениях с Максимом Соколовым. Проживали в съемной квартире. Имеются многочисленные вызовы полиции по адресу — зафиксированы побои, угрозы, нарушения тишины. В июне пять лет назад госпитализирована с диагнозом: множественные переломы ребер, сотрясение головного мозга, ушибы внутренних органов. Причина — нападение сожителя. Соседка вызвала скорую и полицию. Соколов осужден по статье и приговорен к пяти годам лишения свободы. Кира после выписки из больницы уехала к родителям в другой город. Соколов освобожден условно-досрочно год назад и проживает в данный момент в том же городе, где и ранее. Официально не работает. Имеет приводы в полицию за хулиганство и нарушение порядка».

Александр сжал ручку в кулаке с такой силой, что пластик треснул, и острый край впился в ладонь. Он не обратил на это внимания. Боль от осколка была ничтожной по сравнению с тем, что клокотало у него внутри.

Он встал из-за стола и прошелся по кабинету. Шаги его были тяжелыми, резкими, он чувствовал, как адреналин закипает в крови. «Множественные переломы ребер», — пронеслось у него в голове. «Сотрясение». «Угрозы». Он представил, как она, маленькая, хрупкая, с этим своим огромным сердцем и открытым взглядом, стояла перед этим животным. Как он бил ее. Как она, наверное, кричала. Как она боялась.

Его кулак с силой опустился на стол, и документы подпрыгнули. Стакан с водой опрокинулся, но Александр даже не взглянул на него. Он был в ярости. Ярость была такой сильной, что он сам не понимал, откуда она берется. Почему он так реагирует на историю девушки, которую знает всего два дня? Он знаком с большим количеством людей — сотрудников, партнеров, подчиненных. Он привык быть холодным, расчетливым, держать эмоции под контролем. Но здесь... здесь все летело к чертям.

Он остановился у окна, уперся руками в подоконник и посмотрел вниз, на город. Где-то там, в этих вечерних потоках машин и людей, была она. Его новый сотрудник. Маркетолог. Кира. Он вспомнил ее лицо. Напуганное, но решительное. Он вспомнил, как она смотрела на него, когда он спросил про перерыв. В ее глазах мелькнул страх. Он тогда не понял, что это был за страх. Теперь он знал.

И от этого знания хотелось разбить все вокруг.

«Почему я так реагирую? — мысленно кричал он себе. — Почему эта женщина, которую я видел всего второй раз, вызывает во мне такие чувства? Почему я хочу бросить все дела, разыскать этого ублюдка и сделать с ним то же самое, что он сделал с ней?»

Он пытался убедить себя, что это просто справедливость. Что любой нормальный человек пришел бы в ярость, узнав такую историю. Но он лгал себе. Он знал, что дело не только в

справедливости. Внутри него разгоралось что-то другое, что-то, чему он не мог дать названия. Что-то, что он отчаянно пытался подавить.

Он вспомнил утро, когда впервые увидел ее. Она стояла в коридоре, сжимая в руках бумаги, с красными от слез глазами, но с такой силой и гордостью в голосе, что он невольно остановился. Когда они столкнулись в коридоре, она посмотрела на него с вызовом. «Как можно не разойтись в таком широком коридоре?» — спросила она. И он в тот момент почувствовал что-то странное, что-то, что не чувствовал уже много лет.

Он вспомнил ее презентацию. Как она стояла перед всеми, уверенная и сильная. Как отвечала на вопросы, как парировала возражения. Она была блестящим специалистом. Но он смотрел на нее и видел не только профессионала. Он видел женщину, которая прошла через ад и смогла выжить. Которая смогла не сломаться, не очерстветь, сохранить эту удивительную способность доверять миру.

И когда он смотрел на нее, он хотел одного — подойти, обнять и сказать: «Ты в безопасности. Я не позволю никому сделать тебе больно».

Он зажмурился и с силой потер лицо руками. «Остановись, — приказал он себе. — Ты не имеешь права. Она твой сотрудник. Она не просила твоей защиты. Ты не знаешь ее. Ты не знаешь, что ей нужно».

Но голос внутри шептал другое: «Ты знаешь ее. Ты узнал ее в тот самый момент, когда она посмотрела на тебя с вызовом. Ты знаешь ее сейчас, когда читаешь этот отчет. И ты не можешь просто стоять и ничего не делать».

Он вернулся к столу, сел и снова взял конверт. Перечитал строчку за строчкой, словно надеясь, что он ослышался, что там написано что-то другое. Но нет. Все было правдой. Максим Соколов. Освободился условно-досрочно. Живет в том же городе. Не работает. Имеет приводы в полицию.

Александр закрыл глаза и представил, что этот человек может снова появиться в жизни Киры. Что он может узнать, что она вернулась. Что он может... Он не дал себе закончить мысль. Он открыл глаза, и в них была сталь.

Он достал телефон и набрал номер. После двух гудков на том конце ответили.

— Игорь, — сказал Александр, и голос его был холоден и опасен. — Мне нужна еще информация. По этому Максиму Соколову. Где он живет сейчас. Где бывает. Кто его друзья. Где он работает или не работает. Все. Мне нужно все до мельчайших деталей.

— Будет сделано, Александр Николаевич, — ответил Игорь. — Когда нужно?

— Завтра, — коротко сказал Александр. — К обеду. И еще... — он помедлил, — пока я не скажу, это между нами. Никому ни слова.

— Понял, — ответил Игорь, и связь прервалась.

Александр убрал телефон в карман и снова посмотрел в окно. Он понимал, что переходит границы. Он не имел права лезть в личную жизнь своих сотрудников. Особенно новой сотрудницы, которую он взял на работу всего два дня назад. Но он уже не мог остановиться.

Он злился на себя. На свою слабость. На то, что эта девушка, сама того не ведая, пробралась под его броню. На то, что он не мог выкинуть ее из головы. На то, что уже сейчас, через два дня, она стала для него важнее, чем большинство людей, которых он знал годами.

Ему нужно было успокоиться. Нужно было выплеснуть эту бушующую внутри энергию, чтобы принять правильное решение. Он посмотрел на часы — рабочий день уже давно закончился. Он быстро собрал документы, выключил компьютер и вышел из кабинета.

Он спустился на парковку, сел в свою машину и, не медля ни секунды, направился в тренажерный зал. Только здесь, в этом просторном помещении с запахом пота и металла, он мог отключить голову. Здесь не нужно было думать — только чувствовать, как мышцы напрягаются, как тяжесть штанги давит на плечи, как адреналин выжигает все мысли.

Он переоделся, надел спортивные штаны и футболку, и подошел к штанге. Вес, который обычно был для него рабочим, сегодня показался слишком легким. Он добавил еще, потом еще. Его мышцы гудели, спина взмокла от пота, но ему было мало. Ему нужно было до такой степени вымотать себя, чтобы не осталось сил ни на что.

Он делал подход за подходом, чувствуя, как в груди что-то постепенно успокаивается. Ярость уходила, но оставалась тяжесть — странная, тягучая. Он не знал, что ему делать. Он не знал, как поступить. На одном уровне он понимал, что должен оставить Киру в покое. Она не просила его помощи. Она не просила его вмешиваться в ее жизнь. Она, судя по всему, успешно справлялась сама.

Но на другом уровне он не мог просто так оставить этого Макса. Этот человек избил ее до полусмерти. Он сломал ей ребра. Он довел ее до того, что она боялась мужчин, боялась доверять, боялась жить. И теперь он снова на свободе. Снова ходит по тем же улицам, где живет она.

Александр поставил штангу на стойку и тяжело выдохнул. Он снял полотенце с шеи, вытер лицо и посмотрел на свое отражение в зеркале. На него смотрел мужчина, который привык все контролировать. Но сейчас он чувствовал, что теряет контроль. Теряет над собой, над своими чувствами, над этой ситуацией.

— Что ты делаешь, Саша? — спросил он себя тихо. — Зачем тебе это?

Но ответа не было. Только глухое, упрямое желание защитить ее. От всего мира. От прошлого. От него самого, если нужно.

Он еще несколько минут постоял у зеркала, глядя на свое отражение и размышляя. А потом принял решение. Он узнает все о Соколове. А дальше — посмотрит. Если этот человек представляет хоть какую-то угрозу для Киры, он сделает так, чтобы он больше никогда не смог приблизиться к ней. Он не знал, как именно. Но он был уверен: он найдет способ.

А пока — он должен успокоиться. Должен взять себя в руки. Завтра будет новый день, и ему нужно будет снова встретиться с ней. И не дать ей понять, что он знает. Не напугать ее. Не заставить ее снова закрыться.

Он вернулся в раздевалку, принял душ и сел в машину, чтобы ехать домой. Всю дорогу он думал о ней. О ее глазах, в которых он видел и силу, и боль. О ее голосе, который звучал уверенно, но в котором иногда проскальзывали нотки страха. О ее улыбке, которая была такой искренней и одновременно такой уязвимой.

Он понимал, что это не просто профессиональный интерес. Он понимал, что это большее. Но он еще не был готов признаться в этом самому себе. Ему нужно было время. Ему нужно было разобраться в себе.

Когда он вошел в свою пустую квартиру, тишина оглушила его. Он бросил ключи на тумбочку, прошел в гостиную и упал на диван. В голове все еще крутились мысли о ней. Он попытался отвлечься — включил телевизор, пролистал новости, взял книгу, но ничто не могло заставить его перестать думать о Кире.

Он закрыл глаза и позволил себе на мгновение представить, что все было по-другому. Что он встретил ее в другой жизни, в других обстоятельствах. Что он мог бы подойти к ней, взять за руку и сказать: «Ты больше не одна. Я буду рядом». Но он открыл глаза и понял, что это всего лишь фантазии. Реальность была иной. Он был ее начальником. Она была его подчиненной. У них была работа. И он должен был помнить об этом.

Но сердце упрямо билось быстрее при одной только мысли о ней. И Александр знал: он не сможет просто так отпустить эту ситуацию. Он не сможет просто так забыть ее. Он будет бороться. За нее. За ее спокойствие. За ее право жить без страха. Даже если она никогда не узнает об этом. Даже если ему придется делать это втайне.

Александр вздохнул, поднялся с дивана и направился в спальню. Завтра будет новый день. И он будет готов.

Глава 6

Дни потекли своим чередом. Быстро, насыщенно, иногда до головокружения. Я даже не заметила, как пролетела осень, за ней — зима. А теперь за окном стоял апрель, и солнечные лучи согревали город своим теплом, словно природа наконец-то проснулась после долгого сна.

Полгода. Целых полгода с того дня, как я впервые переступила порог этого офиса. Мне казалось, что я работаю здесь всю жизнь. Каждый уголок здания стал родным, каждый коридор — знакомым до мельчайших деталей. Я знала, где у кого кабинет, кто из коллег пьет кофе с молоком, а кто — черный, кто любит обедать в кафе на первом этаже, а кто приносит еду с собой. Я стала частью этого мира. И этот мир стал моим.

Моя карьера развивалась стремительно. После успешного запуска проекта «Зеленые холмы», который принес компании не только солидную прибыль, но и отличную репутацию на рынке, ко мне начали прислушиваться. Мои идеи, которые поначалу воспринимались с осторожностью, теперь стали основой для многих маркетинговых стратегий. Руководство, да и коллеги, начали ровняться на меня, спрашивать совета, приглашать на сложные совещания.

Александр, который всегда внимательно относился к моим предложениям, не стал медлить. Мне наняли трех помощников — молодых, амбициозных, горящих желанием учиться. Я стала руководителем собственного отдела. Работы прибавилось настолько, что мы перестали успевать справляться. И тогда я подняла вопрос о расширении штата.

Я постучала в дверь кабинета Александра Николаевича и услышала его голос:

— Войдите.

Я толкнула дверь и вошла. Он сидел за своим столом, что-то печатая на ноутбуке, но когда увидел меня, откинулся на спинку кресла и снял очки, которые редко надевал, но иногда использовал для чтения мелкого текста.

— Кира, — произнес он, и его лицо осветилось легкой, почти незаметной улыбкой. — Проходи. Садись. Что у тебя?

Я подошла к столу, чувствуя, как в груди поднимается предвкушение. Этот разговор созрел уже давно, я все продумала и была готова к аргументам. Но почему-то каждый раз, когда я оставалась с ним наедине, внутри возникала странная легкость, смешанная с волнением.

— Александр Николаевич, — начала я, присаживаясь на стул напротив него, — я пришла обсудить важный вопрос. Мне нужно расширение отдела.

— Расширение? — он приподнял бровь, и в его взгляде появился интерес. — Вы имеете в виду дополнительные штатные единицы?

— Именно, — кивнула я, стараясь говорить уверенно. — За последнее время объем работы увеличился в разы. Мы взяли проект «Зеленые холмы», потом «Парковый квартал», и теперь на подходе еще два крупных объекта. Я, конечно, стараюсь справляться, но я физически не успеваю. Качество страдает от спешки. Это недопустимо.

Александр Николаевич внимательно слушал, слегка наклонив голову. Его взгляд был прикован ко мне, и я чувствовала, как он вникает в каждое мое слово.

— Я вас слушаю, — сказал он, делая жест рукой, чтобы я продолжала.

— Мне нужно еще два специалиста, — сказала я прямо. — Один — на digital-направление, потому что сейчас мы активно работаем с онлайн-инструментами, и эта нагрузка растет. Второй — аналитик, который будет заниматься обработкой данных и прогнозированием. Мы не можем позволить себе работать вслепую. Рынок меняется быстро, и чтобы быть на шаг впереди, нам нужна качественная аналитика.

Александр Николаевич кивнул, обдумывая мои слова. Он взял ручку и начал что-то быстро записывать в блокноте.

— Это логично, — сказал он наконец. — Я вижу, как вы работаете. Но есть один нюанс. Нам нужно быть уверенными, что мы нанимаем правильных людей. Я не хочу тратить время и деньги на тех, кто не сможет влиться в команду.

— Я это понимаю, — быстро ответила я, чувствуя, что сейчас наступит самый важный момент нашего разговора. — Поэтому я хочу сама участвовать в собеседованиях. Лично. Я лучше всех знаю, какие задачи стоят перед отделом, и смогу оценить кандидатов не только по резюме, но и по тому, насколько они подходят нашей команде.

Он на мгновение задержал на мне взгляд. В его глазах мелькнуло что-то — может быть, удивление, а может быть, одобрение.

— Вы хотите проводить собеседования сами? — переспросил он, и в его голосе послышалась легкая усмешка. — Это не совсем ваша обязанность, Кира. У нас есть отдел кадров.

— Знаю, — ответила я, не сдаваясь. — Но, честно говоря, после той ситуации, когда я сама пришла на собеседование и столкнулась с Ириной Витальевной, я поняла, что кадровики не всегда могут оценить истинный потенциал кандидата. Они смотрят на формальные признаки: стаж, образование, перерывы в работе. А я хочу посмотреть на человека. На его энергию, на его желание учиться и работать. Я хочу собрать команду, которая будет драйвовой, а не просто заполнять места.

Александр Николаевич откинулся на спинку кресла и сцепил пальцы в замок. Он смотрел на меня несколько секунд, и я не могла понять, о чем он думает. Сердце билось быстрее, но я старалась сохранять спокойствие.

— Кира, — произнес он наконец, и в его голосе появилась та самая мягкость, которую я замечала только когда мы говорили наедине. — Вы понимаете, что это большая ответственность? Вы будете нести ответственность за каждого человека, которого возьмете.

— Понимаю, — твердо сказала я. — И я к этому готова. Я уже давно работаю с людьми, я знаю, как выстраивать команду. Мои текущие помощники — прекрасные специалисты, и я горжусь ими. Но нам нужно расти. И я хочу, чтобы этот рост был контролируемым. Я не могу доверить отбор кадров тем, кто не понимает специфики нашей работы.

Он медленно кивнул, и на его губах появилась едва заметная улыбка. Она была нежной, почти теплой.

— Знаете, Кира, — сказал он, — я почему-то не сомневался, что вы именно так и скажете. Я уважаю ваше желание все контролировать. В вас есть стержень, которого я не видел ни в одном другом сотруднике.

Я почувствовала, как щеки начинают розоветь, и постаралась спрятать это за профессиональной улыбкой.

— Спасибо, — сказала я. — Мне важно ваше доверие.

— Оно у вас есть, — сказал он просто. И в этих словах было столько уверенности, что я почти поверила, что он говорит это не просто как руководитель.

Он немного помолчал, глядя на меня, а потом добавил:

— Хорошо. Я даю вам разрешение на расширение отдела. Два специалиста — digital и аналитик. Собеседования вы проводите самостоятельно, но с одним условием: кандидаты должны пройти также финальное собеседование со мной. Это формальность, но я хочу видеть людей, которых вы берете.

— Безусловно, — кивнула я. — Я только за.

— Тогда мы договорились, — он протянул руку, и я пожала ее. Его ладонь была теплой и уверенной. Мгновение, когда наши пальцы соприкоснулись, длилось чуть дольше, чем нужно. Я быстро убрала руку, делая вид, что не заметила.

— Я займусь этим немедленно, — сказала я, поднимаясь. — Спасибо, Александр Николаевич.

— Кира, — остановил он меня, когда я уже взялась за ручку двери.

Я обернулась.

— Я рад, что вы здесь, — сказал он тихо. И в его голосе прозвучало что-то такое, отчего у меня перехватило дыхание. — Вы не представляете, сколько вы сделали для компании за эти полгода. Я ценю это.

Я улыбнулась, чувствуя, как тепло разливается внутри.

— Спасибо, — ответила я. — Это взаимно.

Я вышла из кабинета, закрыла за собой дверь и прислонилась к стене на мгновение, закрыв глаза. Сердце колотилось где-то в горле. «Это просто работа, — напомнила я себе. — Он просто ценит хорошего сотрудника. Не придумывай лишнего».

Но голос внутри шептал: «Ты слышала, как он это сказал. Ты видела, как он на тебя смотрел».

Я встряхнула головой, отгоняя эти мысли, и быстрым шагом направилась в свой кабинет. Впереди было много дел. Нужно было готовить вакансии, продумывать вопросы для собеседований, составлять план работы для новых сотрудников. Работа всегда помогала мне отвлечься. И сейчас я была благодарна ей за это.

Но в глубине души я знала, что стена вокруг моего сердца дала еще одну трещину. И кто знает, сколько еще таких трещин я смогу выдержать.

Это было невероятно. Я помнила, как боялась, что меня не возьмут на работу, как переживала на собеседовании, как сжимала в руках свое резюме, думая, что больше никогда не смогу вернуться в профессию. А теперь я стояла во главе отдела. Я принимала решения, которые влияли на развитие компании. Я была тем человеком, к которому обращались за помощью. Я была успешна.

Но это не было простой удачей. Это был труд. Бесконечный, кропотливый, порой изматывающий. Я вставала рано, ложилась поздно, работала в выходные, если того требовал проект. Я вникала в каждую деталь, прорабатывала каждую идею от начала до конца, прежде чем передать задачу своим помощникам. Я не позволяла себе расслабляться, потому что знала: я могу больше. Я хотела большего.

Мои дни были расписаны по минутам. Утром — планерка с отделом, потом совещания, встречи с партнерами, переговоры. Днем — работа над новыми проектами, анализ конкурентов, разработка стратегий. Вечером — отчеты, планы на завтра, подготовка к новым задачам. Иногда я задерживалась в офисе до позднего вечера, и Настя, уже собираясь домой, заглядывала в мой кабинет и качала головой:

— Кира, ты опять тут одна? Ты же сгоришь на работе!

— Я скоро, — отвечала я, не отрываясь от монитора. — Мне нужно доделать.

— Да ты всегда говоришь «скоро», — вздыхала она и уходила, оставляя меня наедине с моими мыслями.

Но я не могла остановиться. Работа стала моей отдушиной, моим спасением. В ней я находила смысл, уверенность, опору. В ней я была сильной, компетентной, нужной. В ней я забывала о прошлом. В ней я жила настоящим.

Александр часто брал меня с собой на встречи с инвесторами. Вначале это было неожиданно. Я не понимала, зачем маркетологу присутствовать на переговорах о финансировании. Но он объяснил:

— Ты должна понимать, что нужно инвесторам. Ты должна слышать их вопросы, их сомнения, их пожелания. Тогда ты сможешь выстраивать свои стратегии так, чтобы они были привлекательны не только для покупателей, но и для тех, кто вкладывает деньги. Маркетинг — это не только про продажи. Это про доверие. И ты должна его строить со всеми, кто связан с нашим проектом.

Я внимала его словам. И постепенно начала понимать глубину его подхода. Александр был не просто руководителем — он был стратегом. Он видел картину целиком, не упуская ни одной детали. И он учил меня видеть так же.

На встречах с инвесторами я сидела рядом с ним, слушала, записывала, запоминала. Иногда он давал мне слово, и я рассказывала о своих идеях. Инвесторы слушали меня с интересом — может быть, потому что я говорила на их языке, а может быть, потому что Александр рекомендовал меня как лучшего специалиста в своем деле. Но я чувствовала себя значимой. Я чувствовала, что мое мнение ценится.

За это время я стала замечать, как изменились мои отношения с Александром. Он все еще оставался моим руководителем — строгим, требовательным, иногда даже резким, если что-то шло не так. Но между нами появилась какая-то особая связь, которую я не могла объяснить. Он смотрел на меня иначе, чем на других. Он улыбался мне, когда думал, что я не вижу. Он задерживал взгляд на моих глазах чуть дольше, чем позволяли рамки приличия. Иногда, когда я поднимала голову от бумаг, я ловила его взгляд — и в нем было что-то такое, от чего у меня перехватывало дыхание.

Я старалась не думать об этом. Я запретила себе даже мысленно признавать, что он может мне нравиться. Я построила стену вокруг своего сердца, и я не собиралась ее разрушать. Но стена эта давала трещины. Каждый раз, когда он подходил ко мне слишком близко, когда его голос звучал мягче, чем обычно, когда он касался моей руки, передавая документы, я чувствовала, как внутри поднимается что-то теплое, опасное.

— Это просто работа, — говорила я себе. — Ты здесь не для этого. Ты здесь, чтобы строить карьеру. Ты не можешь позволить себе слабость.

Но разве сердцу прикажешь?

Зима прошла незаметно. Я почти не заметила, как снег покрыл город, как замерзли деревья на аллее, как люди укутались в теплые пальто и шарфы. Я была слишком занята. Слишком погружена в работу. Слишком сосредоточена на том, чтобы доказать себе, что я чего-то стою.

Но когда в один из апрельских дней я вышла из офиса и почувствовала, как солнце ласково касается моего лица, я вдруг остановилась. Я подняла голову, подставила щеки теплым лучам и закрыла глаза. Воздух пах весной — свежестью, молодой зеленью, чем-то невероятно живым и обещающим. Где-то вдалеке пели птицы. Деревья на аллее уже начали покрываться нежными почками, готовыми вот-вот раскрыться в яркую зелень.

Я улыбнулась. Я стояла посреди шумного города, среди сотен спешащих людей, и чувствовала себя абсолютно счастливой. Свободной. Живой.

Год назад я сомневалась, что смогу вернуться к нормальной жизни. А сегодня я стояла здесь, успешная, уверенная, независимая. У меня была работа, которая приносила мне удовольствие. У меня были коллеги, которые ценили меня. У меня был дом, в котором я чувствовала себя в безопасности. У меня была я сама.

Я медленно пошла по аллее, наслаждаясь теплом весеннего солнца. Я смотрела по сторонам и видела, как город просыпается после долгой зимы. Люди снимали шапки, улыбались друг другу, покупали цветы у бабушек на углу. Все вокруг казалось таким простым, естественным, правильным.

Я думала о том, что полгода назад я боялась даже представить, что смогу жить полноценной жизнью. Что я смогу работать, общаться, доверять людям. А теперь я была здесь. Я была частью этого мира. И я была счастлива.

Когда я подошла к своему подъезду, я снова остановилась и посмотрела на небо. Оно было чистым, голубым, бесконечным. Я глубоко вздохнула, чувствуя, как весенний воздух наполняет мои легкие, и прошептала:

— У тебя все получилось, Кира. Ты справилась.

И в этот момент я поняла, что не боюсь будущего. Что бы ни случилось дальше, я выдержу. Я справлюсь. Потому что я уже прошла через самое страшное. А теперь — я свободна.

Я поднялась в свою квартиру, включила музыку, заварила чай. Завтра будет новый рабочий день, новые задачи, новые проекты. Но сегодня я позволила себе просто быть. Быть собой. Счастливой. Свободной.

Я стояла у окна своей квартиры, смотрела на закат, окрашивающий небо в нежные розово-золотистые тона, и улыбалась. Весна в самом разгаре. И впереди было еще столько всего хорошего.

Глава 7

Сегодня было чудесное утро. Я проснулась с ощущением, что день будет особенным. Солнце уже вовсю светило в окно, заливая комнату теплым золотым светом, и даже воздух за окном казался прозрачным и чистым. Весна окончательно вступила в свои права, и я чувствовала, как вместе с ней пробуждается что-то внутри меня. Какое-то легкое, радостное предвкушение.

Я быстро собралась, выбрала легкий весенний костюм — светло-серый, с брюками и пиджаком — и, чувствуя себя уверенно и свежо, вышла из дома. По дороге на работу я снова прошла по любимой аллее. Деревья уже вовсю зеленели, молодые листочки тянулись к солнцу, а в воздухе витал запах просыпающейся природы. Я улыбалась прохожим, даже незнакомым, и ловила ответные улыбки. День начинался замечательно.

В офисе я, как обычно, забежала на кухню за кофе. Там уже была Настя, которая, судя по всему, тоже была в отличном расположении духа.

— Доброе утро, Кира! — пропела она, протягивая мне чашку свежесваренного кофе. — Ты сегодня прямо светишься!

— Спасибо! — улыбнулась я, принимая чашку. — И тебе доброе утро. Погода чудесная, настроение отличное. Как думаешь, это продлится долго?

— Надеюсь, до самого лета! — рассмеялась Настя. — А то я уже устала от этой серости. Кстати, ты слышала? Сегодня какой-то важный инвестор приедет. Говорят, самый придирчивый из всех. Шеф все утро какой-то сосредоточенный.

— Слышала, — кивнула я. — Собрание скоро, все узнаем.

Мы еще немного поболтали о пустяках — о новых заведениях в городе, о планах на выходные, о том, как хорошо, что наконец-то можно ходить без пальто. Потом разошлись по своим делам. Я отправилась в кабинет, чтобы подготовить промежуточные отчеты по текущим проектам.

До собрания оставалось около часа, и я погрузилась в работу. Проверила цифры по «Зеленым холмам», сверила данные по «Парковому кварталу», подготовила краткую сводку по новым заявкам. Все было в порядке. Мои помощники работали отлично, и я чувствовала, что мы вышли на стабильный ритм.

Когда на часах было ровно десять, я взяла свои бумаги и направилась в зал для собраний. Там уже собрались почти все — коллеги сидели на своих местах, переговариваясь между собой. Настроение было легким, кто-то шутил, кто-то рассказывал о своих весенних планах. Даже Ольга Сергеевна из отдела закупок, обычно строгая и сдержанная, сегодня выглядела более расслабленной и даже улыбалась.

Дверь открылась, и в зал вошел Александр Николаевич. Он тоже был в хорошем настроении — легкая, почти незаметная улыбка играла на его губах. Он прошел к своему месту, поздоровался, и голос его звучал бодро и уверенно.

— Доброе утро, коллеги! — произнес он. — Вижу, у всех отличное настроение. Весна — время свершений. Так что давайте не будем откладывать дела в долгий ящик.

Он начал собрание с обсуждения текущих проектов. Говорил о планах на второй квартал, о задачах, которые стоят перед каждым отделом. Я слушала внимательно, делала пометки. Когда он перешел к новому проекту, который только начинал разрабатываться, я наострила уши. Похоже, это был крупный заказ — строительство нового делового центра в центре города. Амбициозный, дорогой, и, судя по тому, как Александр Николаевич говорил о нем, очень важный для компании.

— И еще один момент, — сказал он, переводя взгляд на меня. — Сегодня у нас важная встреча с инвестором. Самым придирчивым из всех, с кем мы работали. Его требования очень

высоки, и от того, как мы себя покажем, зависит, получим ли мы финансирование на новый проект. Я хочу, чтобы на этой встрече присутствовала Кира.

Я подняла голову, встречаясь с его взглядом. Он смотрел на меня уверенно, без тени сомнения.

— Она лучше всех представляет нашу маркетинговую стратегию и сможет ответить на любые вопросы, — продолжал он, обращаясь уже ко всем. — Кира, подготовьте все материалы. Встреча сегодня. Я вышлю вам детали после собрания.

Я кивнула, чувствуя, как внутри поднимается легкое волнение. Ответственная встреча. Самый придирчивый инвестор. Я мысленно начала прокручивать в голове, что нужно будет подготовить, какие данные собрать, какие аргументы продумать.

— Вопросы есть? — спросил Александр Николаевич, обводя взглядом зал.

Все молчали. Он одобрительно кивнул и сказал:

— Тогда все свободны. Кира, задержитесь, пожалуйста, на минуту.

Коллеги начали подниматься, собирать бумаги, обмениваться короткими фразами. Я осталась сидеть, чувствуя, как сердце бьется чуть быстрее. Когда все вышли и дверь за ними закрылась, Александр Николаевич подошел ближе и сел на стул рядом со мной.

— Кира, — сказал он, и его голос стал мягче, — встреча сегодня не в обед, как обычно. Она в ресторане. Вечером. Вот адрес. — он протянул мне визитку, на которой был написан адрес. — Я отпускаю вас пораньше, чтобы вы могли подготовиться. Я заеду за вами в шесть вечера, и мы поедем вместе.

Я почувствовала, как внутри что-то дрогнуло. Вместе? Заедет за мной? Это было неожиданно. Обычно я добиралась на встречи сама, особенно если они проходили вне офиса.

— Нет, что вы, — возразила я, стараясь говорить спокойно. — Я приеду на такси. В этом нет ничего такого. Я вполне могу добраться сама.

Александр несколько секунд смотрел на меня, словно обдумывая мои слова. Потом он слегка улыбнулся и кивнул:

— Хорошо. Как скажете. Тогда встретимся в ресторане. Столик на мое имя, в семь часов. Не опаздывайте.

— Я буду вовремя, — пообещала я, поднимаясь.

Я вышла из зала и направилась в свой кабинет. В голове уже крутился список того, что нужно сделать до вечера: подготовить презентацию, собрать все данные, продумать возможные вопросы инвестора. Я села за стол и начала работать.

Через несколько часов я поняла, что все основные материалы готовы. Презентация была сверстана, цифры проверены, аргументы продуманы. Я откинулась на спинку кресла и выдохнула. Оставалась еще одна небольшая проблема: как я должна выглядеть на этой встрече? В офисе я всегда была в строгих деловых костюмах, но ресторан — это другое. Нужно было что-то более вечернее. А у меня с собой кроме рабочей одежды ничего не было.

Я встала, взяла сумку и пошла к Насте. Она сидела в приемной, что-то печатая на компьютере, и, увидев меня, улыбнулась.

— Кира! Ну что, готова к вечеру? — спросила она.

— Настя, — сказала я, чувствуя легкое смущение, — у меня проблема. Мне нужно выглядеть соответственно, а в моем гардеробе, кроме офисной одежды, ничего нет. Я понятия не имею, что надеть на встречу в ресторане.

Настя удивленно подняла брови.

— Ты серьезно? — спросила она. — У тебя совсем нет платьев?

— Есть, но... они не для таких случаев, — призналась я. — Я как-то не думала, что мне придется посещать светские мероприятия в рамках работы.

Настя задумалась на мгновение, а потом в ее глазах загорелся азартный огонек.

— Так, — сказала она решительно, закрывая ноутбук. — Сейчас мы это исправим. Садись и никуда не уходи.

Она взяла свой телефон и начала быстро печатать что-то в поисковике. Я села на стул рядом с ней и наблюдала, как она листает страницы с одеждой, что-то бормоча себе под нос.

— Этот вариант? Нет, слишком просто. Этот? Тоже не то. О, смотри! — она повернула ко мне телефон, показывая платье на экране. — Вот это! Идеально!

Я посмотрела на экран. Это было платье красного цвета, на тонких бретелях, бандажного типа и длиной до колен. Оно выглядело очень эффектно, смело, почти дерзко. Я покачала головой.

— Настя, это слишком! Я никогда не носила ничего подобного.

— Вот именно что никогда! — воскликнула она. — Именно поэтому и надень! Кира, ты прекрасная женщина, и ты должна это показывать! Ты же идешь на встречу с важным инвестором, тебе нужно произвести впечатление. А это платье произведет неизгладимое впечатление, я тебе гарантирую!

Я хотела возразить, но Настя уже набирала номер курьерской службы.

— Алло? Здравствуйте! Мне нужна срочная доставка по этому адресу. Да, прямо сейчас. Два предмета: платье и туфли. Да, размер я знаю. — она посмотрела на меня. — Какой у тебя размер обуви?

— Тридцать седьмой, — растерянно ответила я.

— Тридцать седьмой, — повторила она в трубку. — Да, доставка к пяти часам. Спасибо!

Она положила трубку и с победным видом посмотрела на меня:

— Все! Курьер привезет все к пяти. А сейчас иди домой, отдыхай, собирайся. И не спорь! — добавила она, видя, что я открываю рот. — Ты мне доверяешь?

— Доверяю, — вздохнула я.

— Тогда иди. Я обещаю, тебе понравится!

Я не стала спорить. Чувствуя легкое сомнение, но и любопытство, я собрала свои вещи, предупредила помощников, что уезжаю, и отправилась домой.

До дома я добралась не спеша, наслаждаясь весенним солнцем. Дорога заняла около получаса, и за это время я успела успокоиться и настроиться на вечер. Дома я приняла душ, тщательно высушила волосы и нанесла легкий, естественный макияж. Мне хотелось выглядеть свежо, но не перегружено. На волосах я сделала мягкие волны, а потом аккуратно убрала одну прядь сбоку, закрепив изящной заколкой.

Я посмотрелась в зеркало и осталась довольна. Просто, элегантно, женственно. Теперь оставалось только дожидаться курьера.

Ровно в пять часов раздался звонок в дверь. Я открыла, расплатилась с курьером и, взяв посылку, вернулась в комнату. Сердце билось быстрее от любопытства и волнения. Я разорвала упаковку и вытащила платье. Когда оно оказалось у меня в руках, я на несколько мгновений замерла.

Красное. Яркое, насыщенное, цвета спелой вишни. На тонких бретелях, бандажного фасона, с разрезом на бедре. Оно было таким смелым, таким дерзким, что я невольно ахнула. «Настя, ты с ума сошла», — пронеслось у меня в голове. Я никогда в жизни не надевала ничего подобного. Я всегда предпочитала что-то более сдержанное, классическое. Это платье было не для меня.

Но выбора уже не было. Времени на поиски другого варианта не оставалось. Я решила просто примерить его. Может быть, оно сядет плохо, и я смогу с чистой совестью надеть то, что есть.

Я сняла халат и медленно надела платье. Ткань скользнула по телу, облекая фигуру, как вторая кожа. Я поправила бретели, расправила подол и повернулась к зеркалу.

То, что я увидела, заставило меня застыть.

Из зеркала на меня смотрела совсем другая женщина. Та, которую я не знала. Стройная, уверенная, с подчеркнутыми изгибами. Платье вытягивало фигуру, делало ее еще более женственной, соблазнительной. Красный цвет переливался на свету, придавая коже легкий теплый оттенок. Разрез на бедре открывал длинную стройную ногу, делая образ одновременно и элегантным, и дерзким. Мягкие волны волос обрамляли лицо, делая его мягче и нежнее.

Я не узнавала себя. На мгновение мне захотелось снять это платье, вернуться в привычную зону комфорта, спрятаться в строгие костюмы, которые надежно защищали меня от всего мира. Но потом я остановила себя. «Почему ты должна прятаться? — спросила я себя. — Почему ты не можешь быть красивой? Почему ты не можешь позволить себе быть той женщиной, которую видишь сейчас?»

Я сделала глубокий вдох и посмотрела на свое отражение уже по-другому. С уважением. С принятием. С легкой, едва заметной гордостью. Сегодня я могла быть другой. Сегодня я могла быть красивой. И это не было неправильно.

Я сняла туфли с коробки и на мгновение задержала дыхание. Они были идеальными. Тонкая, изящная шпилька, нежная замша под цвет платья, которая визуально делала ноги бесконечно длинными. Я провела пальцами по гладкой поверхности, чувствуя мягкость материала, и улыбнулась. Настя знала, что делала.

Я аккуратно вставила ногу в туфельку, чувствуя, как она идеально облегает стопу, словно была шита специально для меня. Застегнула тонкую пряжку на щиколотке и выпрямилась. Сделала шаг, потом второй. Каблук устойчиво держал, походка становилась легкой, упругой, почти летящей. Я не привыкла к таким высоким каблукам, но сегодня они казались продолжением меня самой. Плавный, мягкий, соблазнительный силуэт. Туфли действительно делали мои ноги визуально длиннее, а осанка сама собой выпрямлялась.

Я на мгновение закрыла глаза и представила, как иду по залу ресторана. Легкий, едва слышный стук каблуков по паркету. Взгляды, которые провожают меня. Уверенная улыбка. Я открыла глаза и снова посмотрела на себя в зеркало. И поняла: я готова.

Я взяла белое пальто, висящее на спинке стула. Оно было длинным, струящимся, из тонкой мягкой шерсти, которая так приятно ложилась на плечи. Я накинула его поверх платья, и контраст красного и белого создал идеальный образ. Элегантный, утонченный, с легкой ноткой дерзости. Пальто не скрывало платье полностью — лишь прикрывало плечи и добавляло образу завершенности. Апрельские вечера еще были прохладными, но в этом пальто я чувствовала себя и уютно, и стильно.

Я застегнула одну пуговицу — только одну, чтобы платье было видно, чтобы образ оставался легким и воздушным. Поправила воротник, проверила, чтобы край пальто красиво ниспадал по фигуре. И снова повернулась к зеркалу.

Я сделала шаг назад, чтобы увидеть себя целиком. Из отражения на меня смотрела женщина, которую я не знала. Элегантная, уверенная, смелая. Красное платье, идеально облегающее фигуру, белое пальто, подчеркивающее хрупкость и одновременно силу, туфли на шпильке, делающие каждое движение грациозным. Мягкие волны волос, нежный макияж, легкий румянец на щеках. Я казалась себе киногероиней, сошедшей с экрана.

Я медленно повернулась, рассматривая себя со всех сторон. Платье сидело безупречно — ни одной складки, ни одной лишней детали. Ткань переливалась в свете лампы, создавая игру теней и бликов. Разрез на бедре открывал ровно столько, чтобы добавить образу загадочности и привлекательности. Туфли делали фигуру еще более стройной, вытягивая силуэт.

Я вдруг вспомнила, как раньше смотрела в зеркало. С недоверием, с сомнением, с желанием спрятаться. Я видела в нем отражение женщины, которая боялась мира. Которая пряталась за строгими костюмами, за высокими воротниками, за темными очками. Которая не хотела, чтобы ее замечали. Но сегодня все было иначе. Сегодня я увидела в зеркале ту, кем хотела стать. Ту, кем, возможно, всегда была, но боялась себе в этом признаться.

Я улыбнулась своему отражению. Не напряженно, не натянуто, а искренне, тепло, с легким удивлением. Настя оказалась права. Это платье, эти туфли, этот образ — все это было тем, что мне нужно. Не для того, чтобы произвести впечатление на инвестора. И даже не для того, чтобы понравиться Александру. А для того, чтобы я сама посмотрела на себя и сказала: «Я красивая. Я уверенная. Я могу быть такой, какой хочу».

Я провела рукой по платью, чувствуя мягкую ткань под пальцами, и кивнула самой себе. Одобрительно, решительно, с легким вызовом в глазах.

— Да, — сказала я тихо своему отражению. — Мне нравится. Мне очень нравится.

Я взяла с тумбочки маленький клатч, который купила на прошлой неделе, но еще ни разу не использовала. Он был идеального оттенка, сочетающегося с платьем и пальто. Переложила туда телефон, помаду, ключи, пару документов, которые могли пригодиться. Проверила, что на месте визитка и ручка. Закрыла клатч и снова подошла к зеркалу.

Я расправила плечи, подняла подбородок, посмотрела на себя с уверенностью. Внезапно я почувствовала прилив сил, энергии, желания идти вперед и завоевывать мир. Это было новое ощущение. Я не чувствовала себя так уже много лет. С тех пор, как...

Я остановила себя. Не сейчас. Не сегодня. Сегодня я не хочу вспоминать прошлое. Сегодня я хочу быть здесь и сейчас. Хочу наслаждаться этим вечером, этим образом, этой новой версией себя.

Я взяла духи, которые редко использовала, и сделала одно легкое нажатие на запястье. Аромат разлился в воздухе — нежный, цветочный, с легкими нотками ванили. Он был таким, каким я хотела себя чувствовать: мягким, но стойким; нежным, но с характером. Я поднесла запястье к лицу, вдохнула и улыбнулась.

В дверь позвонили. Я взглянула на часы — такси приехало ровно в назначенное время. Еще раз быстро пробежалась взглядом по себе, проверяя, все ли на месте. Платье, туфли, пальто, клатч, макияж, прическа. Все идеально.

Я накинула пальто чуть свободнее, чтобы оно красиво струилось при ходьбе, и подошла к двери. На секунду задержалась с рукой на ручке, закрыла глаза и глубоко вздохнула. «Ты справишься, Кира. Ты красивая. Ты уверенная. Ты сможешь все».

Я открыла дверь и вышла из квартиры. Шаги по лестнице звучали легко и ритмично. Я шла, и в каждом движении чувствовалась грация, которой я не знала за собой раньше. Сердце билось ровно и спокойно. Я не боялась. Я была готова.

Когда я вышла из подъезда, вечерний воздух коснулся моего лица, прохладный и свежий. Солнце уже почти село, оставляя на небе розово-оранжевые отблески. Я подошла к машине, открыла дверцу и села на заднее сиденье.

— В ресторан «Элегия», пожалуйста, — сказала я водителю, чувствуя, как голос звучит уверенно и спокойно.

Машина плавно тронулась. Я откинулась на спинку сиденья и посмотрела в окно на проплывающие огни города. Улыбка не сходила с моего лица. Я чувствовала себя счастливой. Не той, что прячется, не той, что боится, а той, что живет. По-настоящему, полноценно, смело.

Я была красивой. Я была уверенной. И я была готова к этому вечеру.

Глава 8

Такси остановилось у входа в ресторан ровно за пять минут до назначенного времени. Я взглянула на часы, удовлетворенно выдохнула и, расплатившись с водителем, вышла из машины. Ресторан «Элегия» оказался именно таким, каким я его себе представляла: шикарным, но без излишней помпезности. Фасад здания был отделан светлым камнем, а у входа стояли живые растения в больших кашпо. Через панорамные окна струился мягкий золотистый свет, и слышалась приглушенная музыка.

Я вошла внутрь, и меня сразу же окутала атмосфера уюта и роскоши. Высокие потолки, хрустальные люстры, мягкие ковровые дорожки, приглушенный свет. В воздухе витал тонкий аромат дорогих духов, свежих цветов и изысканных блюд. Я подошла к гардеробу, сняла пальто и отдала его девушке за стойкой. Та улыбнулась, приняла мое пальто и протянула номерок. Я взяла его, положила в клатч и уже хотела спросить, где находится нужный столик, как ко мне подошел официант.

— Добрый вечер, — сказал он с легким поклоном. — Вы, наверное, к Александру Николаевичу? Столик уже ждет. Позвольте, я провожу вас.

— Да, спасибо, — ответила я, чувствуя, как легкое волнение снова начинает подниматься в груди.

Я глубоко выдохнула, расправила плечи и пошла за официантом. Он вел меня через основной зал, где за столиками сидели пары, компании, деловые люди. Я чувствовала на себе взгляды — кто-то провожал меня глазами, кто-то поворачивал голову, чтобы рассмотреть. Я старалась не обращать на это внимания, сохраняя ровную, уверенную походку. Красное платье, туфли на шпильке, мягкие волны волос — я знала, что выгляжу хорошо. И это придавало мне сил.

Мы прошли в дальнюю часть зала, где за большим круглым столом сидели двое мужчин. Александра я узнала сразу — он сидел ко мне спиной, слегка наклонив голову к собеседнику. Напротив него сидел мужчина лет пятидесяти. Он выглядел очень ухоженно и хорошо для своих лет: седая, но аккуратная стрижка, дорогой костюм, уверенная осанка. Он жестом что-то объяснял, и Александр внимательно слушал.

Я подошла к столу, и оба мужчины одновременно подняли головы, заметив мое приближение. Я улыбнулась и произнесла:

— Добрый вечер. Я не опоздала? Можно присоединиться?

На мгновение повисла тишина. Такая плотная, что, казалось, можно было услышать, как бьются сердца за соседними столиками. Инвестор, который только что оживленно обсуждал что-то с Александром, замер с открытым ртом. Его взгляд устремился на меня, и я увидела, как на его лице отразилось неподдельное восхищение. Он слегка приподнял брови, и в его глазах мелькнул огонек интереса.

Но Александр... он буквально застыл. Словно время для него остановилось. Его взгляд был прикован ко мне, и я видела, как его глаза расширились, зрачки чуть заметно расширились, а челюсть напряглась, будто он сжал зубы, чтобы не произнести ни слова. Он не двигался. Он не моргал. Он просто смотрел на меня так, как будто видел в первый раз. Как будто я была не той Кирой, которую он встречал каждый день в офисе, в строгих костюмах и с деловым выражением лица, а кем-то совершенно иным. Кем-то, кого он не ожидал увидеть.

Я почувствовала, как от его взгляда по моей коже пробежали мурашки. Это был не просто взгляд начальника на подчиненную. Это был взгляд мужчины на женщину. Глубокий, пронзительный, изучающий. В нем было столько эмоций, что я не могла их прочесть все сразу: там было удивление, там было восхищение, там была какая-то странная, почти болезненная тоска,

и там было что-то еще, чему я не могла дать названия. Что-то темное и жаркое, что заставило мое сердце пропустить удар.

Я стояла перед ними, чувствуя, как щеки начинают заливаться горячим румянцем. Краска поднималась от шеи к вискам, и я была уверена, что сейчас выгляжу как помидор. Я опустила глаза на мгновение, но потом заставила себя поднять их снова. Я не хотела показывать свою неуверенность. Я не хотела, чтобы они видели, как сильно меня смущает их внимание.

«Я сделала что-то не так? — пронеслось у меня в голове панической мыслью. — Может быть, это платье слишком вызывающее? Может быть, я ошиблась с выбором?»

Я мысленно прокрутила назад последние несколько часов. Настя так уверенно выбирала этот наряд. Она говорила, что я буду выглядеть потрясающе. Но что, если она ошиблась? Что, если для деловой встречи это слишком? Что, если инвестор решит, что я легкомысленная, несерьезная? Что, если Александр подумает, что я пытаюсь произвести впечатление не профессиональными качествами, а внешностью?

Внутри меня начал подниматься страх. Старый, знакомый страх, который жил где-то в глубине души и просыпался каждый раз, когда я чувствовала себя уязвимой. Что, если я снова делаю ошибку? Что, если я снова доверяю кому-то, а потом оказывается, что я неправильно поняла? Что, если я сейчас выгляжу глупо и нелепо?

Я сглотнула ком в горле и попыталась улыбнуться. Улыбка вышла немного натянутой, но я старалась держаться уверенно. Я не хотела, чтобы они видели мою панику. Я не хотела показывать, что внутри меня все сжимается от страха.

Я перевела взгляд на Александра. Он все еще молчал. Его глаза были широко открыты, и я видела, как в них отражается свет люстры. Он смотрел на меня так, будто пытался запомнить каждую деталь: как падает свет на мои волосы, как платье облегает фигуру, как я стою, слегка наклонив голову, с застывшей на лице нервной улыбкой.

В какой-то момент я подумала, что он не скажет ни слова. Что он просто продолжит смотреть на меня, и я так и останусь стоять в этом проходе, чувствуя себя неловко и глупо. Мне захотелось развернуться и уйти. Просто убежать в туалет, закрыться в кабинке и перевести дух.

Но потом он моргнул. Один раз. Как будто очнулся от транса. Его челюсть чуть расслабилась, хотя напряжение все еще читалось в каждой линии его лица. Я видела, как он медленно выдохнул, как будто до этого задерживал дыхание.

И в этот момент я поняла, что его реакция была не осуждением. Его реакция была чем-то совершенно другим. Чем-то, что заставило мое сердце биться еще быстрее. Но я не могла позволить себе думать об этом. Не сейчас. Не здесь. Не перед инвестором.

Я заставила себя сделать шаг вперед, к столу, и улыбнуться уже увереннее. Мое платье при движении слегка колыхнулось, и я почувствовала на себе взгляд инвестора, который с явным удовольствием следил за каждым моим движением.

Тишина затянулась еще на пару секунд. Инвестор первым пришел в себя. Он широко улыбнулся, поднялся из-за стола и, слегка поклонившись, произнес:

— Добрый вечер, дорогая! Никаких опозданий, вы как раз вовремя. И я должен сказать, что вечер обещает быть прекрасным, если в нем участвуют такие очаровательные дамы.

Он говорил, но я слышала его голос как будто издалека. Все мое внимание было приковано к Александру, который наконец-то поднялся со своего места. Он медленно, почти неохотно, перевел взгляд с меня на инвестора, и я увидела, как на его лице промелькнула тень. Что-то темное, почти ревнивое.

Но он взял себя в руки. Он встал, выдвинул стул, стоящий рядом с ним, и, глядя мне прямо в глаза, произнес:

— Кира, вы великолепны. Простите, я на мгновение потерял дар речи. Пожалуйста, присаживайтесь.

Его голос звучал ровно, но я слышала в нем ту самую дрожь, которую он пытался скрыть. Я села на предложенный стул, чувствуя, как его взгляд все еще прикован ко мне. Я поправила платье, стараясь успокоить дыхание, и улыбнулась инвестору.

— Спасибо, — сказала я. — Вы очень любезны.

Инвестор тоже сел, и я видела, что он все еще улыбается. Он смотрел на меня с таким интересом, что я чувствовала себя немного неловко, но я старалась не показывать этого. Я взяла себя в руки, расправила плечи и приготовилась к деловой беседе.

Но в глубине души я все еще чувствовала на себе взгляд Александра. Тяжелый, жаркий, пронзительный. Он смотрел на меня так, как будто хотел сказать что-то, но не мог. И это заставляло меня нервничать еще больше.

«Что происходит? — думала я. — Почему он так на меня смотрит? Почему его взгляд заставляет меня дрожать? Я же пришла сюда работать. Я пришла сюда делать презентацию. Я не хочу никаких отношений. Я не хочу...»

Но краска на моих щеках все еще горела. И в глубине души я знала: что-то изменилось. Что-то между нами изменилось. И от этого изменения не было пути назад.

— Александр Николаевич, вы не перестаете меня удивлять! У вас не только прекрасные проекты, но и прекрасные сотрудники.

Я засмущалась, почувствовав, как краска заливает щеки. Инвестор смотрел на меня с явным восхищением, и это одновременно и льстило, и немного смущало.

Александр не сводил с меня глаз, пока я садилась на предложенный стул. Я чувствовала на себе его взгляд — пристальный, изучающий, теплый. И это заставляло мое сердце биться быстрее.

— Александр Николаевич, вы не представите нас? — спросил он, не сводя с меня глаз. — Я так и не знаю имя этой прекрасной леди.

— Кира, — представила я себя сама, протягивая ему руку. — Кира Владимировна, руководитель отдела маркетинга.

— О, очень приятно, — он взял мою руку и слегка сжал, не торопясь отпустить. — Вячеслав Петрович. Я слышан о вашей работе. Говорят, вы творите чудеса.

— Вы преувеличиваете, — улыбнулась я, мягко освобождая руку. — Я просто делаю свою работу.

В этот момент к нам подошел официант с меню и предложил напитки. Александр, который все это время молча наблюдал за нашим обменом любезностями, слегка нахмурился, но взял себя в руки.

— Кира, что вы будете пить? — спросил он, и в его голосе послышалась едва заметная стальная нотка.

— Белое вино, пожалуй, — ответила я, чувствуя, что легкий бокал поможет мне расслабиться.

Официант кивнул, принял заказ и удалился. Я взяла меню и быстро пробежалась по нему глазами. Есть совсем не хотелось — волнение все еще давало о себе знать. Я выбрала легкий салат с креветками и вернула меню официанту, когда он принес мой бокал.

— Итак, — начал Вячеслав Петрович, откидываясь на спинку стула, — мы с Александром Николаевичем как раз обсуждали новый проект. Я слышал, у вас есть интересные предложения по маркетинговой стратегии. Расскажите мне о них. Если, конечно, вы не против.

Он смотрел на меня с искренним интересом, и я почувствовала, как напряжение постепенно отпускает. Я взяла бокал, сделала небольшой глоток и начала рассказывать. Я говорила о концепции проекта, о целевой аудитории, о каналах продвижения, о том, как мы планируем привлекать покупателей и инвесторов. Я старалась говорить четко, структурировано, но при этом живо и увлеченно.

Вячеслав Петрович задавал много вопросов. Он был действительно дотошным, как и говорил Александр. Он уточнял цифры, сравнивал с конкурентами, спрашивал о рисках и о том, как мы планируем их минимизировать. Я отвечала на каждый вопрос спокойно, уверенно, с цифрами и фактами в руках. Я чувствовала, что он слушает меня не просто из вежливости, а потому что ему действительно интересно.

Александр сидел рядом, но практически не вмешивался. Он лишь изредка кивал, одобритительно поглядывая на меня, когда я особенно удачно парировала тот или иной вопрос. Но я чувствовала на себе его взгляд — он смотрел на меня не как на сотрудницу, а как на женщину. И это сбивало меня с толку.

Когда я закончила, Вячеслав Петрович несколько мгновений молчал, обдумывая услышанное. Потом он повернулся к Александру и произнес:

— Александр Николаевич, я принимаю решение. Проект ваш. Я полностью доверяю вам и вашей команде. Особенно вашей очаровательной руководительнице маркетинга. Она произвела на меня неизгладимое впечатление.

Александр Николаевич слегка наклонил голову, принимая комплимент, но в его глазах мелькнула тень. Он не улыбнулся, как ожидалось. Вместо этого он сухо произнес:

— Я рад, что мы пришли к соглашению.

Вячеслав Петрович поднялся из-за стола и посмотрел на часы.

— К сожалению, у меня еще одна встреча сегодня вечером. Так что я вынужден вас покинуть. Но, Кира, — он повернулся ко мне, и его голос стал мягче, — если вдруг ваш работодатель решит раскидываться такими ценными кадрами, я буду рад видеть вас в своей компании. Вы замечательный специалист.

Он взял мою руку и, наклонившись, поцеловал ее. Я почувствовала, как щеки вспыхивают от смущения, и тихо сказала:

— Спасибо за предложение, Вячеслав Петрович. Но меня все устраивает.

Он улыбнулся, пожал руку Александру, который поднялся, чтобы попрощаться, и, попрощавшись, направился к выходу. Мы остались вдвоем.

Я перевела взгляд на Александра и заметила, что его челюсти напряжены, а кулаки, лежащие на столе, сжаты так сильно, что костяшки побелели. Он смотрел на меня, и в его взгляде было что-то такое, отчего у меня перехватило дыхание. Но он взял себя в руки, разжал кулаки и улыбнулся — той самой мягкой, почти теплой улыбкой, которую я замечала только наедине с ним.

— Кира, — сказал он, — вы просто невероятны. Вы только что перетянули самого придирчивого инвестора на нашу сторону. Я даже не знаю, как вас благодарить.

— Я просто делала свою работу, — сказала я, чувствуя, как от его взгляда внутри разливается тепло.

— Нет, — покачал он головой. — Вы сделали гораздо больше. Вы... — он замолчал, подбирая слова, и потом добавил тихо, — вы сегодня прекрасны. Это платье... оно вам очень идет. Вы выглядите потрясающе.

Я почувствовала, как краска снова заливает щеки. Я опустила глаза и тихо сказала:

— Спасибо. Это Настя помогла выбрать. Я не очень разбираюсь в таких вещах.

— Настя однозначно знает в этом толк, — усмехнулся он. — Но, Кира, любой наряд смотрелся бы на вас великолепно. Вы сами создаете красоту вокруг себя.

В этот момент официант принес мой салат. Я принялась за еду, стараясь отвлечься от его взгляда. Александр заказал себе кофе и начал непринужденную беседу. Он рассказывал о своих планах на будущее, о том, какие еще проекты он хотел бы запустить, о своей жизни вне работы. Я слушала его, и постепенно напряжение между нами начало рассеиваться. Мы говорили легко, свободно, почти как старые друзья.

Он смеялся над моими шутками, я улыбалась его историям. Полчаса пролетели незаметно. Я чувствовала, как между нами возникает та самая особая связь, которую я пыталась отрицать все последние месяцы. Но сейчас, в этом ресторане, в этом платье, под его теплым взглядом, я не могла сопротивляться. Я таяла. И это было одновременно и страшно, и прекрасно.

Когда я доела салат, я поняла, что пора закругляться. Вечер был прекрасным, но мне нужно было немного прийти в себя. Я взяла клатч, поднялась из-за стола и сказала:

— Александр Николаевич, мне нужно в дамскую комнату. Я скоро вернусь.

Он кивнул, и я, медленно, стараясь сохранять грацию, направилась в сторону холла, где, как мне показалось, должны быть туалеты. По пути мне попался официант, который указал нужное направление. Я поблагодарила его и пошла дальше.

Я зашла в просторный холл. Интерьер здесь был такой же гармоничный, как и во всем ресторане. Бежевые тона, мягкий свет, зеркала в изящных рамах, несколько раковин и кабинок в соседней комнате. Я подошла к одной из раковин, посмотрела на себя в зеркало. Щеки все еще горели румянцем, в глазах горел какой-то странный огонек. Я улыбнулась своему отражению, включила воду и начала мыть руки, погрузившись в свои мысли.

«Что это было? — думала я. — Почему он так на меня смотрел? Почему я не могу перестать думать о нем? Я же запретила себе это. Я не хочу отношений. Я не хочу снова доверять кому-то. Но с ним... с ним все по-другому».

Я выключила кран, стряхнула воду с рук и подняла глаза к зеркалу, чтобы поправить выбившуюся прядь. И в этот момент я увидела за своей спиной отражение человека.

Я вздрогнула от неожиданности, сердце подскочило куда-то в горло. Я резко обернулась и только успела произнести:

— Александр?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.